

Элтэнно.
Хранимая Звездой

16+

Мир после меня

Элтэнно. Хранимая Звездой Мир после меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346247

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06090-6

Аннотация

Пожалуй, сначала надо представиться. Говорят, что так вежливо. Считается, что это правильно. И чем чёрт не шутит? Возможно, на рассказы этот нюанс распространяется тоже. Меня зовут Настя.

И я умерла...

Содержание

Часть I. До того, как пришла смерть	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	86
Глава 8	101
Глава 9	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Элтэнно.

Хранимая Звездой

Мир после меня

Часть I. До того, как пришла смерть

Глава 1

Пожалуй, сначала надо представиться. Говорят, что так вежливо. Считается, что это правильно. И чем чёрт не шутит? Возможно, на рассказы этот нюанс распространяется тоже.

Однако, прежде чем гордо назвать своё имя, я бы хотела, чтобы вы представили внешне, с кем знакомитесь. И потому знайте, что со страниц этого рассказа вам сейчас приветливо машет рукой девушка, прожившая на белом свете всего двадцать три года. Я весёлая, и со мной круто дружить. Кроме того, приятно.

Внешность тоже меня не подвела. Она у меня типичная

славянская. Светло-русые волосы, серо-голубые глаза, светлая кожа со здоровым румянцем на щеках, носик курносый. И при этом простушкой из-за него не назовёшь. Черты лица у меня, спасибо бабушке итальянке, аристократичные.

А теперь перейдём к основному знакомству. Будучи живой, я часто общалась с новыми людьми в чатах различных платформ, и мне совсем не сложно сделать это на расстоянии снова. Главное, выбрать имя. Это единственная заковырка – я же не знаю, какое вам больше понравится. И дело не в том, что мне приспичило выдумать псевдоним или играть в притворство. Нет. Чтоб вы знали, меня зовут Настя. Настя – это очень хорошее имя. Наверное, если бы меня не назвали так родители, я бы жалела, что я не Настя. Просто, обладая этим именем, можно создать любое впечатление для будущего собеседника.

Например, хочешь выглядеть солидно, взросло и презентабельно, так хоп при знакомстве в мессенджер – я Анастасия Павловна. И все представляют какую-то строгую солидную даму. Причём, образованную и умную. Таковую, какая может сойти лишь со страниц русской классики. А если на другой день настроение переменится, то можно и Настенькой представиться. «Для тебя я Настенька» пишешь, и (вот те на!) чудо случилось. Собеседник растаял. Перед его глазами лишь кроткая милая красавица из сказки про «Огонь, воду и медные трубы». Через две-три фразы тебе готовы смайлики с сердечками и цветочками присылать, и вовсе не потому, что

кто-то там бессовестный кадрила. Нет, просто ты уже заняла уверенный уголок в сердце и мыслях. Ты же Настенька. Как иначе? Да и с теми, с кем давно дружба проверена, хорошо с моим именем. Издалека они, приветствуя меня, с задором кричат: «Привет, Настюха!». И кому от такого обращения не понятно, что я своя в доску в этой компании? Когда я «Настюха», мне незастенчиво надеть какую-нибудь бесформенную одежду, сесть на спинку скамейки и, чокаясь с приятелями бутылками пива, наслаждаться приятным деньком.

Единственное, что плохо с моим именем, как его не изменять, а угрожающе оно звучать не будет. И это очень плохо, когда ты в расстройстве шагаешь апрельской ночью по пустынным улочкам с провального свидания и встречаешь тех, кого бы не встречать вовсе.

– Хэло, симпапусик. Пошли с нами гулять. Как тебя зовут?

Я растерянно обвела взглядом двоих мужиков, перегордивших мне дорогу. Оба невысокого роста, но крепкие, нахальные типы. Ещё и в подпитии. Ранее они стояли возле входа в подвальную забегаловку, расположенную на перекрёстке, и курили. Наверное, как раз обсуждали, что женского общества им не хватает, а тут я иду и ничего не вижу перед собой. Ноги шагают машинально, в голове только, что ничего-то Серёга не оказался хорошим мужиком. Шесть свиданок, почти три недели впустую на него потратила. И ведь почти удалось негодяю вскрыть голову!

На миг нынешняя опасность исчезла для меня из реальности. Я словно вернулась назад во времени и увидела, как сижу в ресторанчике, искренне улыбаюсь, флиртую. Сегодня я готова к Серёже в гости поехать. С самого утра к этому готовилась. Он это чувствует и тоже раскрепощён. А затем... Господи, и что меня на такое подбивает? Когда из-за занятости официантов он отправился к барной стойке делать новый заказ на вино, я перестала смотреть вслед будущей любви всей своей жизни, а подчинилась какому-то нелепому желанию. Нелепейшему! Я набрала его номер и выжидающе уставилась на чёрную поверхность смартфона, оставшегося на пару минут без присмотра хозяина.

Как он меня в память телефона вбил? Настёна? Настенька? Настюха?

... А вдруг уже – моя Настя?

От предвкушения будущего счастья у меня загорелись глаза. Вот только от того, что возникло на экране, мне моментально стало невыразимо тошно. Тут не сердце остановилось и не как будто ведро ледяной воды вылили. Мне словно довелось умереть. Серёжка же мне не просто понравился, я уже основательно влюбиться в него успела. И, наверное, даже не немножечко. Мечтала глупая перед сном, как ему классно со мной будет. Какую семью мы создадим. Такую, чтоб всем на зависть.

... А тут.

Вспоминая неприглядное слово, оскорбительное для лю-

бой женщины, не продающей своё тело за деньги, у меня навернулись слёзы. В бессилии я сделала шаг назад. У меня опустились плечи. Растерянность и беспомощность – вот, что могло описать меня в тот момент. Правда, я не сразу ощутила, что испытывать их должна по другому поводу. Неприятных мужиков моё молчание раззадорило. Один из них, лет тридцати, но уже с проплешиной в волосах, интуитивно, как дикий самец гориллы, почуял свою власть над событиями. Он ловким, проверенным движением отодвинул меня к стене.

– Какая сладкая девочка, – довольно сказал этот наглый тип. – Да ты не бойся, не обидим. Нам с другом всего лишь грустно. Пойдём, выпьешь с нами, расслабишься. А там мы тебя до дома проводим, защитим в случае чего. Поверь, мы хорошие ребята.

– Да, мы такие. Джентльмены, – подтвердил его приятель. Этот едва ли разменял второй десяток лет, но так противно смотрел, что мимика полностью отражала его мысли. И слепцу было бы понятно, что сказанное им ложь.

– Вот видишь? Друг мой врать не станет. Пошли, малыш. Он ухватил меня за рукав и настойчиво потянул за собой. Мне же, наконец, перестало быть грустно. Через мою сердечную боль пробился страх, и он потребовал вырваться из лап этого негодяя. Я дёрнулась. Однако спастись не получилось, хватка мерзавца стала крепче. Мне оставалось только безнадежно повернуть голову вдоль дома. До его угла, а, значит

и до перекрёстка, с которого можно броситься со всех ног на соседнюю более оживлённую улицу, было метра два, не больше. Но попробуй вывернись, когда тебя хватают за руку и нависают над тобой, будто скала!

– Куда же ты так торопишься, мышонок?

«Наверное надо кричать», – пришла мне в голову мудрая мысль, но дыхание перехватило. Я могла только испуганно смотреть в наглые тёмные глаза, сверкнувшие в свете уличных фонарей демоническим блеском. Да и всё лицо этого мужика преобразили настолько хищные черты, что я лишь испуганно пискнула. Словно настоящая мышь. А затем на моё плечо, приобнимая, мягко легла чья-то тёплая рука. В этом жесте не было угрозы. Наоборот, оно позволило мне почувствовать себя спокойнее. Словно кто-то, подойдя ко мне со спины, захотел защитить. Но разум не мог так легко поверить в чудо. Поэтому первым делом я настороженно повернула голову, но лица незнакомца толком так и не увидела. Оно скрывалось чёрными прядями не самых коротких волос.

– Извини, я опоздал, – приятным голосом произнёс мужчина. – В другой раз бери трубку или не уходи. Дождись меня всё же, ладно?

– Э-э-э, – только и смогла выдавить я из себя, но более мудрый ответ вряд ли бы изменил дальнейшее. Я почувствовала, что этот мужчина мягко подталкивает меня идти вперёд, и послушно сделала два первых неловких шага. При

этом незнакомец продолжал обнимать меня, он слегка прижимал меня к себе словно оберегал.

– Куда это ты лезешь? Она как раз с нами знакомиться собиралась, – возмутился наглец с проплешиной и смело перегородил мне дорогу. Я вздрогнула, остановилась, а он напоказ закатал рукава и сжал кулаки. Его приятель тоже принял угрожающую позу, но неуверенно. Было видно, что он всего лишь неопытный раззява, обожающий наглеть при первом удобном случае. И момент для хамства показался ему удачным. Он прикрикнул:

– Вали давай, пока цел!

На незнакомца эта сцена не произвела впечатления. Его рука ненадолго отпустила меня, сам он вышел вперёд и... из-за его спины мне было плохо видно, да и удары он наносил слишком быстро, чтобы рассмотреть. Однако, каким-то образом, через несколько секунд оба мерзавца валялись на асфальте, а младший из них ещё и громко скулил. Мой спаситель уставился на него со злостью и, наверное, ударил бы снова, но взглянул на потерянную меня и поступил иначе. Он сделал шаг в сторону и спросил:

– Ты в порядке?

Я утвердительно кивнула, так как произнести чего бы то ни было не смогла. Дар речи меня покинул.

– И куда ты шла ночью?

– Д-домой.

– Пошли, я тебя немного провожу.

Я снова кивнула. Идти по тёмным улицам в одиночестве в такой час мне резко расхотелось, а потому мы начали удаляться от злополучного перекрёстка вместе. Мои ноги шагали сами собой, хотя им хотелось бежать. Ведь пусть я чувствовала некоторое облегчение, но тревога по-прежнему горела внутри. Я не знала, чего можно ждать от своего провожатого. Поэтому хорошо, что, едва мою голову начали наполнять новые беспокойные вопросы, он начал разговор.

– Тебе далеко отсюда надо?

– Да.

– И примерно куда?

– На набережную реки Смоленки.

– На остров Декабристов? Ты умеешь летать, что ли? – удивился он и с недоверием повернул ко мне своё лицо так, что мне стали хорошо видны его красивые чёрные глаза и тонкие губы, говорящие об упрямом нордическом характере.

– Я знаю, что сейчас мосты разведены. Но у меня не получилось рассчитать время, чтобы успеть на ту сторону до закрытия движения, поэтому и пошла по городу пешком. Решила дойти до дома своим ходом.

– И откуда шла? – любопытно спросил он.

– С Бухарестской.

Мой спаситель недоверчиво оглядел меня с головы до ног, обутых в туфли на высоком каблуке. Хорошо хоть не шпильки выбрала. И хорошо, что платье длиной немногим ниже

колена надела да в последний момент красивому, но лёгкому пальто, пуховичок предпочла. Так бы, пожалуй, вместо уважительного: «Молодец. Умеешь пешком ходить», что-то другое услышала. А, может, и не услышала бы. Стал бы кто-нибудь девушку в мини-юбке спасать. Сама нарвалась, вот пусть и получает дама лёгкого поведения.

– Мне показалось так будет лучше, – отчего-то попыталась оправдаться я и, вспоминая о двуличном Серёже, мрачно добавила. – Не хочу ни в каком ресторане сидеть и ждать нужного часа. Тем более, сидеть и ждать в полном одиночестве.

– Что же, – задумчиво проговорил мужчина, как если бы размышлял над чем-то очень серьёзным, – нам в одну сторону. Даже по пути, я бы сказал. Поэтому провожу-ка я тебя.

– Спасибо, – с опаской ответила я на его предложение, а он вдруг взял да заодно улыбнулся.

– Только не бойся. Я же для того и вызвался тебя проводить, чтобы ты не тряслась от страха.

Мне как-то не думалось, что у меня настолько живая мимика лица. «Неужели он понял, что я его тоже боюсь?» – задавал меня вопрос, а потому я расхрабрилась на ответ.

– Нет, я тебя не боюсь.

Через силу я попыталась улыбнуться, чтобы доказать, что никакой страх мне неведом. Но можно было не стараться. Мой спутник вдруг сделался до предела серьёзным и сосредоточенным.

– Это хорошо. Тогда не бойся и того, что за мной следят.

С этими словами он вдруг ухватил меня под локоток и ускорил шаг. Я настолько растерялась, что не успела ничего сказать. Да и произошло всё быстро. Хоп, и мы уже повернули за поворот, а там, сразу, зашли под арку, ведущую в какой-то двор. К этому моменту я уже была готова кричать, и, наверное, закричала бы, если бы выражение лица моего спутника было хоть сколько-нибудь другим. Но он не глядел на меня сальным взглядом, не ухмылялся кривой улыбкой. Нет, он сам был встревожен. И вглубь двора меня не повёл. Всего-то приложил палец к своим губам и украдкой выглянул на улицу.

Нарушать тишину мне вмиг стало страшно. Но, само собой, я вытянула шею, чтобы разглядеть, на что так этот мужчина внимательно смотрит. И момент для этого был удачный. По улице, дёргаными движениями поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, бесшумно шёл кто-то, похожий на густой туман. Мне даже показалось, что это призрак, настолько коверкало облик всего и вся ночное время. Но затем я поняла, что мне не кажется. Настоящие люди не способны так перемещаться! Это существо вдруг остановилось, задёргалось и ни с того ни с сего буквально сорвалось с места. Причём так быстро и плавно, как будто на гироскутере ехало.

– Кто это был? – вырвался из моей груди шёпот спустя несколько долгих секунд.

– Ну, я же сказал тебе, что за мной следят, – мужчина внимательно поглядел мне в глаза, прежде чем извинился. – Я слишком поздно понял, что он близко. Для тебя уже было безопаснее держаться подле. Извини, что напугал ещё больше.

– Угу, ночь у меня та ещё, – нервно усмехнулась я.

В ответ мне досталась широкая улыбка. Кажется, мои слова мужчину позабавили, раз он таким бодрым голосом спросил.

– Ну что, сама по себе дальше пойдёшь или со мной вместе?

– Не-не, с тобой, – сдуру ответила я и спросила. – Только имя-то у тебя есть?

– Есть. Можешь звать меня, Грач.

Непроизвольно я улыбнулась. Черноволосый, темноглазый, да ещё в ночи, он действительно напоминал грача. И кого-то подобное могло напугать, но уже не меня. Мне так же, как при виде этих птиц, вдруг сделалось тепло и уютно. А то как же? Они ведь вестники весны. Вестники перемен, от которых всегда ожидаешь чего-то нового, доброго и необычного. А сейчас как раз апрель. Самое время для толики волшебства.

– А я Настя, – представилась я.

Конечно, это правильно при знакомстве первым делом говорить как тебя зовут. Как можно скорее после слов «Привет» или «Здравствуй» следует произнести своё имя и узнать

имя твоего будущего собеседника. Этого требует вежливость и, не постесняюсь этого сказать, наверное, даже законы вселенной.

Однако намного приятнее знакомиться, когда за плечами уже есть совместная история.

Во всяком случае, говоря «А я Настя», мне уже яснее некуда было, что этот мужчина тот самый. Тот, кто перевернёт всю мою жизнь.

Глава 2

Идти, прижимаясь к Грачу, было приятно настолько, что совсем не хотелось думать, во что я ввязываюсь. Ведь в самом деле, с двумя мужиками так ловко разобрался, кличка, слежка... Какая-нибудь другая девчонка, поумнее, давно бы пожелала подобному спутнику всего хорошего и отравилась по дороге жизни без подозрительной компании. А я нет. Наверное, права мама в том, что меня на плохих парней тянет. Пока тринадцать не стукнуло, так и вовсе бродила в компании ребят-задир. То мы стены разрисовывали, то пытались колёса машинам колоть, то в подъезде втихаря алкоголь распивали... Но потом, когда меня сотрудник полиции стал про наркотики расспрашивать, мозги у меня на место встали. Родителям даже не пришлось в очередной раз нудеть, о чём я там думаю и с кем дружу. Ведь у одного моего приятеля вся семья алкоголики, другой со справкой учится, а у третьего старший брат где? В тюрьме. И отец его там же. В общем, разговор с тем тихим дядечкой, смотрящим на меня змеиным взглядом, разом из меня всю дурь выбил.

... Но, видно, не окончательно. Всё-то меня ещё на приключения тянуло.

– Правда так было? – восторженно спросила я Грача, когда он закончил рассказывать историю, отчего решил на-

учиться драться.

– Это правда.

– А остальное не правда то есть?

– Для тебя правда. Все равно не проверишь.

Мне захотелось с возмущением толкнуть его. Так, слегка. Только чтобы не подзадоривал, но он вдруг убрал руку с моего плеча. Именно в этот момент я поняла, как же мне уютно возле него и... как тепло. Оказывается, ночной пронизывающий вечер усилился по мере приближения к реке. И теперь, когда я сосредоточилась на происходящем, у меня даже создалось впечатление, что вокруг происходит сказка «Двенадцать месяцев». Только наоборот. Апрель исчез, передавая посох одному из своих старших зимних братьев. Декабрю или январю.

– Что-то случилось? – насторожилась я, глядя на сосредоточенное лицо своего спутника.

– Почти. Так заговорился с тобой, что мы едва не прошли. Идём сюда.

Он взял меня за руку и потянул вниз, к воде. С учётом того, какая на мне была обувь, и того, что приличного ступенчатого спуска к реке не имелось, мне казалось, что я вот-вот кубарем полечу вниз. Не иначе только истинное чудо помогло мне проделать весь путь до конца без неурядиц. И если говорить о чудесах и невозможном...

– Откуда здесь катер?

Нет, конечно, я большей частью смотрела себе под ноги,

а не по сторонам. Но даже если зрение и не смогло ничего уловить, то что насчёт слуха? Такой кораблик должен был обладать шумным мотором. Он же не крошечная лодочка, а хорошо обустроенное судно человек на десять-пятнадцать. С рубкой даже. Не, такой априори не мог подплыть бесшумно. И не заметить его на воде ранее я тоже никак не могла.

– Тихо, – одними губами шепнул мне Грач и поднимая руки на уровень груди сделал несколько пассов пальцами, напоминающих язык жестов. – Теперь пошли.

Он снова взял меня за руку и уверенно повёл за собой. Мне было боязно прыгать с берега на покачивающуюся палубу. Но ещё более неуютно мне оказалось, когда я увидела трёх людей, вышедших из рубки. Двое мужчин и одна женщина. Они были одеты в какую-то форму, похожую на военную. Освещение было ужасным, чтобы судить точнее. Однако то, какими хмурыми взглядами они меня одарили, я различила отчётливо. Так же, как и то, что один из них даже недовольно скрестил руки на груди.

– Давайте-давайте на свои места. Мы здесь не в гляделки играть собрались, – негромко приказал Грач.

Наверное, он был здесь главным, раз слова возымели действие. Один из мужчин и женщина вновь скрылись в рубке, другой стал копаться в снастях. Я смотрела на него, покуда звук волн не усилился так, как если бы поднялся сильный ветер. Но ветер не усилился. Поэтому я недоверчиво поглядела за край кормы. Вода возле катера пришла в движение и

забурлила, как будто набирал свой ход двигатель. Вот только кроме шума одиноких машин, проезжающих вдоль набережной, ничего не рычало и не ревело. И оттого моё удивление стало безмерным. Я же не в кино каком-то, из которого вырезана часть звуковой дорожки!

В поисках разъяснений мой взгляд сам собой переместился на Грача. Но мой спутник совсем не глядел на меня. Он смотрел на прекратившего заниматься снастями мужчину. Того самого, что ранее скрестил руки на груди. Теперь этот тип недовольно качал головой. Он был чем-то недоволен, причём настолько, что, едва катер отчалил, приблизился к Грачу и прошипел со злостью.

– Знаешь, брат, это уже ни в какие ворота не лезет!

– Уймись. Нам всё равно на тот берег.

– Тебе девок в нашей дивизии мало? – не принял этих слов мужчина и разозлился дальше некуда, раз позволил себе ругнуться: – Бабник.

Грач не пошевелился даже. Но его взгляд стал таким грозным, что мне мгновенно захотелось попросить этих двоих не ссориться. Не знаю, как мне удалось сдержать свой язык. Женщинам в такие разговоры и правда лучше не влезать.

– Никак забыл, что должен мне подчиняться, – процедил Грач.

– А это не касается нашей работы, – смело ответил мужчина. – То я тебе как друг сказал.

– Она не станет проблемой. Мы причалим и на этом всё.

– «И на этом всё» надо было остановиться на том берегу.

Он кивнул в сторону, откуда катер начал движение, и я осознала, что нахожусь всё ближе к середине реки. События так захватили, что я этого не заметила. А Грача вид отдаляющегося берега отчего-то успокоил. Он не стал доводить ссору до полного безобразия, а мягко сказал:

– Я тебе потом расскажу, почему поступил так.

Сказанное примирило мужчин, но лично мне до их разбирательства уже не было никакого дела. В моей голове крутилось: «И на этом всё».

«Как это всё? – мысленно возмущалась я. – Это нечестно! Я же только-только встретила его! Того самого».

Мне было до чёртиков обидно. Прямо так, что хоть плачь. Но, видно, мой расстроенный вид навёл Грача на совсем другую мысль.

– Присядь.

– А?

– Нам недолго ехать, конечно, но видно, что ты очень устала. Кроме того, боюсь, ты из-за своих красивых туфель можешь потерять равновесие. Тут и качнуть может.

Не став слушать возражения, Грач взял меня под локоток в намерении подвести к единственному на палубе сидению. Остальные были демонтированы. От них остались только крепления. И чёрт, как близко это сидение находилось!

– Знаешь, я хорошо себя на каблуках чувствую. Однажды...

Мне не хотелось никуда усаживаться. Абсолютно. Мой план споткнуться и оказаться в крепких мужских объятиях летел ко всем чертям!

Смешно сказать, но в ту ночь судьба была на моей стороне. Вселенная услышала моё желание, вот только, как и обычно, исполнила его с издёвкой. Именно из-за неё, не успев договорить, я вдруг поняла, что падаю, а там и что лежу поверх Грача. Что-то произошло. Вблизи катера возник луч пламени. Он рассекал небеса и выглядел так, что я глупо попыталась приподняться на локтях в намерении рассмотреть это красивое и более чем неожиданное зрелище. Но тут Грач ловким движением подмял меня под себя и прижал к палубе всем своим телом. При этом он силой повернул мою голову в другую сторону, но я всё равно успела увидеть, что пламя изменило свой цвет на зелёный двинулось на нас стремительной волной. Я зажмурилась. Через мгновение стало нестерпимо жарко. Настолько, что я не сдержала крик. А затем Грач подхватил меня на руки и прыгнул в реку.

Вода сомкнулась надо мной, но всплыли на поверхность мы быстро. Я не успела нахлебаться. А когда смахнула с лица налипшие на лоб и щёки волосы, то увидела, что помимо меня и Грача в реке, полной обломков катера, барахтаются ещё двое.

– У кого резервное маскирующее поле? У кого?! – выкрикнул Грач. – А ну задействовать! Скоро они поймут, что промахнулись.

– Сейчас, – принялась суматошно ощупывать себя женщина. – Сейчас... Минуту!

Я умела плавать, а потому в ледяной воде чувствовала себя не так паршиво как могла бы. Однако Грач продолжал поддерживать меня одной рукой, словно думал, что мне в любой момент предстоит пойти на дно.

– Походу я потеряла его. Не могу найти!

На это Грач заскрипел зубами, а мужчина, с которым он ранее пререкался, пристально посмотрел на него и посчитал нужным сказать.

– Раз они вычислили нас и поля нет, решение нужно принимать быстро. Что будем делать? Двигать в сторону второй группы только ребят подставлять.

– А где Ястреб?

– Ястреба ждать нет смысла, – ответила женщина, – он был пристёгнут и ни за что бы не успел.

– Будем спасать свои шкуры, – решил Грач и приказал. – Давайте ближе ко мне, я собираюсь задействовать «кузнечика».

Мужская рука прижала меня к себе так крепко, насколько это было возможно при попытке удержаться на воде.

– Все готовы?

– Да.

«Нет!» – ярко подумалось мне, и Грач будто услышал мои мысли.

– Настя, закрой глаза. Крепко.

Я послушно зажмурилась, а затем ощутила себя так, словно прыгаю с моста на тарзанке. Тело с ускорением мчалось куда-то вниз. Внутренности сдавило от страха. А потом всё это кончилось так же быстро, как началось.

– Всё. Можешь открыть глаза. Открывай.

Оказывается, я сомкнула веки так сильно, что для восстановления зрения пришлось часто моргать.

– Ты в порядке?

– Не знаю, – честно ответила я, оглядывая себя и пространство вокруг.

От волос пахло палёным. Ноги гудели до зуда. Капроновые колготы порвались. Одной туфли не хватало, как и вязаной шапочки. С прочей одежды стекала ручьями вода, и стекала она на бело-серый плиточный пол. Не было ни города, ни реки. Вместе с остальными я оказалась в какой-то ярко освещённой, но совершенно пустой комнате. Единственное, что в ней было – металлическая округлая платформа на полу и мы на ней. Больше ничего.

Между тем Грач поднялся и уверенно подошёл к массивной двери, над которой горела красная лампочка. Там он нажал на несколько кнопок настенной панели, но результата не было. Это заставило его обернуться к нам, кисло поморщиться, но спросить в чём там дело никто не успел. Грач резко повернулся лицом к панели, дёрнул за какой-то рычажок и требовательно прикрикнул:

– Кто дежурный?!

– Лейтенант Куров, – мгновенно раздался голос. Видимо, он доносился из скрытых динамиков, так как я ничего такого на стенах не заметила.

– Что ты ещё задумал, Куров? А ну снимай блокировку!

– Я действую строго по протоколу, – голос стал немного обиженным. – Погодите, дайте мне проверить вас.

– Ты что, мою личность идентифицировать не можешь, что ли?

– Ваша личность определена и подтверждена, но с вами чужак. Поэтому я и действую именно так.

После этих слов Грач принялся по новой нажимать на кнопки панели. И у него снова ничего не вышло.

– Прекрасно, – проворчала женщина, и мужчина ей поддакнул.

– Не то слово. Из-за такой ерунды мы всё-таки сдохнем.

Я ничего не понимала. Но то, какой Грач бросил на своих людей взгляд, заставило меня осознать, что ситуация нештучная. Я даже вмиг перестала ощущать холод, не до того мне стало. А Грач снова дёрнул за рычажок.

– Лейтенант Куров, нас зацепило «лучом небес». Открывайте дверь. Немедленно!

– У меня протокол.

– Ты ж понимаешь, что произойдёт, если мы в ближайшие минуты не отправимся в медблок. Или хочешь, чтобы у меня прямо сейчас почки отказали? А? Так?! Так я выйду и первым делом их тебе отоблю, собака!

– Это генерал Фадеев, – раздался из динамиков другой голос. – Вы берёте на себя ответственность за приведённого чужака, подполковник?

– Да.

– Открывайте ворота.

– Но...

– Открывайте!

Створки двери разъехались в разные стороны. За ними оказался короткий коридор с металлическими арками, выглядящими сошедшими со страниц книг о научной фантастике. На них размещалось какое-то оборудование. Наверное, для... Ой. А вдруг... Вдруг, если я на некоем военном объекте, то это система обороны?

– Что это? Какая-то защита? Бомбы? – не могла не спросить я, когда Грач ухватил меня за руку и потащил за собой. Шагал он уверенно, быстро.

– Нет, Насть. Всё для оперативной ликвидации осталось в первой комнате. Здесь большей частью расположены обеззараживающие устройства и аналитические датчики. Они позволяют подробно проверять человеческий организм. Так что из этого коридора путь нам только в медблок. В таком состоянии как у нас на базу иначе не попасть.

Очень хотелось спросить про базу, но на тот момент другая информация показалась мне куда как более важной.

– В каком таком состоянии? – уставилась я на него.

– Нас серьёзно облучило.

– Радиацией?

– Нет, но по действию будет очень похоже.

Ненадолго я замолчала, обдумывая сказанное им. Но именно, что ненадолго. Я должна была знать и точка!

– Грач, что это за место? Ответь мне. Слышишь, ответь!

Я постаралась заглянуть мужчине в глаза, чтобы он понял всю степень моего беспокойства, и заметила, что при ярком свете его внешность претерпела небольшие изменения. Стали видны небольшие морщинки у глаз, дающие понять о весёлом нраве и возрасте, приближающимся к тридцати пяти. Волосы перестали быть цвета вороного крыла. Они и правда оказались очень тёмными, но никак не чёрными. Зато глаза не изменились. Такие же, как ночь. Едва понятно, где радужка, а где зрачок.

– Давай чуть позже, а? Нам ещё часа два рядом под капельницей лежать. Успеется.

Его голос звучал с раздражением. Ему явно было не до меня, а потому я вынужденно прикусила язык. Всего-то обвела встревоженным взглядом прочих. Мне виделось, что они будут поразговорчивее, но нет. Женщина посмотрела на меня свысока и с презрением фыркнула. Во взгляде мужчины вроде бы было сочувствие, но его плотно сомкнутые губы...

– А как вас зовут? – набравшись решимости, осведомилась я и скажу честно, мой вопрос имел под собой умысел. Мне виделось, что на такое я дождусь ответа, а, значит, можно будет спрашивать и спрашивать. Начало разговору будет

положено.

И, к счастью, я не ошиблась.

– Макс.

– Вероника.

– Похоже на настоящие имена, – сказала я и с укором посмотрела на мужчину своей мечты. – А ты, значит, просто Грач. Грач и всё, да?

– Грач? – звонко усмехнулся Макс. – Во даёшь. То-то на тебя все девки липнут. Воображение – огонь!

Грач смерил Макса недовольным взглядом и отвечать ему ничего не стал. Вместо этого он посмотрел на меня и объяснился.

– Это мой позывной для последнего задания.

– И другого имени ты мне не назовёшь?

– Нет. Пускай будет Грач.

Он даже не задумался перед ответом, и это было для меня неприятно. Однако я не для этого разговор начинала. Мне виделось, что пора самой представиться, а там и перейти к вопросам.

– Ладно, – пожала я плечами и, прекратив смотреть на Грача, повернулась в сторону более дружелюбно выглядящего Макса. – А я...

– Да уже понятно кто, – грубо перебила меня Вероника. – Ты неприятности на двух ногах.

Мне стало обидно, и я замолчала. Грач тоже промолчал, хотя мне понравилось, каким взглядом он смерил Веронику.

Да и приятно было, что после он положил свою руку мне на плечо, как если бы давал понять, что я под его защитой.

Чёрт, в тот момент мне даже стало понятно, что Серёга, по которому в лучших женских традициях мне следовало бы искренне страдать ещё пару недель или около того, абсолютно меня не занимает больше! Я вычеркнула его из своей головы так легко, будто его никогда не существовало. Теперь меня заботило другое...

И вы будете смеяться, но...

Да, это смешно. Будучи в такой странной ситуации, я отчего-то начала думать, отчего Макс назвал своего друга бабником и сможет ли Грач увлечься мной настолько, чтобы забыть остальных вероятных подружек. Ведь с ними что? Он весело провёл время и ушёл на подвиги. А я... я знакома с ним не более двух часов, а нас уже связывает самая настоящая история. Это судьба.

«А от судьбы никуда не убежишь», – с задором подумалось мне, но от этой мысли я тут же помрачнела. Она натолкнула меня на другие размышления. О том, что до вечера завтрашнего (или уже сегодняшнего?) дня мне кровь из носу надо быть дома у родителей и сказать маме, что всё хорошо. Что я не забыла про неё и...

Я искоса посмотрела на Грача, которого медики, вопреки его возражениям, укладывали на кушетку. Они суетились, а я не могла оторвать глаз от приятных черт лица и неистово желала ворваться в мысли этого мужчины.

Что будет, когда он узнает? Что будет, когда он узнает о том, о чём я взяла привычку не скрывать даже при поверхностном знакомстве? У него ведь не обычная работа, он какой-то там подполковник и, судя по всему, регулярно выполняет боевые задания. У него намного больше оправданий для отказа от меня нежели у других мужчин.

Не будет ли лучше промолчать?

– Ложитесь, – в приказном тоне обратился ко мне медик, одетый в белый защитный костюм, скрывающий его с ног до головы. – У нас не получилось поднять вашу медкарту, поэтому говорите – есть то, что нам стоит знать? Аллергии, непереносимость лекарств или...

Глава 3

Мы лежали рядом крайне недолго. Несмотря на заверения Грача, что у нас будет уйма времени для разговора, за ним пришли. Ему пришлось встать с кушетки и, удерживая в руке стойку капельницы да кое-как кутаясь в халат, уйти куда-то. Мне было видно, что его оставшаяся лежать на стуле одежда покрыта бурыми подпалинами, но в остальном от огня он и я не очень-то пострадали. Вероника тоже легко отделалась. А вот у Макса теперь имелся обширный ожог на правой половине лица. Этого мужчину и так было сложно назвать красивым – роскошный армянский нос априори плохо сочетается со светлыми волосами и азиатским разрезом глаз, а теперь ему и вовсе предстояло жить с новым «украшением».

– А за что вы сражаетесь?

– Пусть это тебе наш подполковник объясняет, – огрызнулась Вероника.

– Нет, я понимаю, что вы недовольны моим присутствием. Но я здесь. И лично вам ничего плохого не сделала! Пожалуйста, не надо так ко мне относиться.

Женщина недовольно фыркнула и демонстративно отвернулась. Мне тут же стало неприятно, но я понимала – требовать более дружелюбного отношения себе дороже. Поэтому я перестала обращать внимание на Веронику и поглядела

на Макса. Он уже не пялился на потолок отрёшённным взглядом, а смотрел на меня своими грустными синими глазами. Наложённые на одну его половину лица влажные салфетки из-за этого сместили своё положение. Ненадолго мне стало видно обожжённую плоть и, поневоле, я сразу подумала какая я счастливица, что Грач прикрыл меня собой.

– Настя, да? – уточнил Макс и, морщась, поправил салфетки.

– Да. Настя.

– Вероника пусть грубо, но верно сказала. Мы не имеем права распространяться о своём деле. Постарайся это понять. Тут дело далеко не в отношении конкретно к тебе, молчать мы обязаны.

– Ну и молчите, – насупилась я и откинулась на спину.

Однако, когда вот так вот вынужденно лежишь и молчишь, всегда приходят мысли. Тут можно либо спать, либо размышлять. Но сна у меня ни в одном глазу не было, а размышления вышли напряжёнными и неприятными. Поэтому я очень обрадовалась, когда эту тягомотину прервало появление Грача. Он скосил взгляд на своих подчинённых и обратился ко мне.

– Не хочешь прогуляться?

– С капельницей?

– Я же хожу.

То, что он ходит, было заметно. Но с такой конструкцией в руках ходить нелегко, это я тоже заметила. Однако решила

составить ему компанию, а потому осторожно села, а там и встала с кровати. Грач помог мне справиться с медицинскими трубочками, с улыбкой отлепил присоски-датчики, и мы вместе вышли из комнаты в коридор.

– Ой, не могу. Ха-ха-ха! – через несколько секунд едва не свалилась я с ног от смеха.

– Что? Нравится, как смотримся вместе? – понял всё Грач.

– Да.

Выглядели мы и правда красавцами. В лучших традициях чёрного юмора. Оба в белых тоненьких халатах, выданных нам взамен мокрой и грязной одежды. В руках (он слева, а я справа) держали стойки капельниц. И при этом я ещё босиком. Разом стала ему по плечо. Грач был очень высоким.

– Куда только мы с тобой в таком виде гулять пойдём, а? – с улыбкой поглядела я на него.

– На самом деле, я хотел не столько погулять, сколько с тобой поговорить.

– Тогда, может, прямо здесь?

– Нет, коридор не самое лучшее место.

– Хорошо. И куда идти предлагаешь?

– Вокруг нас крыло для пациентов, поэтому предлагаю заглянуть в палаты. Наверняка, какая-нибудь да пуста окажется.

– Ладно.

Так уж вышло, что четыре раза нам довелось заглянуть в комнаты, где нас совсем не ждали. Наше появление застав-

ляло людей вздрагивать и волноваться. Право, после каждого закрытия таких дверей мы, понимающе глядя друг на друга в глаза, хихикали всё веселее. Но потом Грач уверенно подошёл к двери на другой стороне коридора и приглашающе раскрыл её. Внутри никого не оказалось, и поэтому, когда я вошла внутрь и села на край кровати, то первым делом с укоризной произнесла:

– Ты ведь с самого начала знал куда идти.

– Знал. Но мы неплохо позабавились, – усмехнулся он, и моя обида мигом прошла.

– Выходит, ты весельчак?

– А разве ты не заметила? – он напоказ поднял брови, как если бы удивился, а затем пододвинул один из стульев так, чтобы сесть напротив меня. – Втянул я тебя в историю, правда?

– Наверное. Мне сложно судить, так как я мало чего понимаю.

– И лучше бы не понимала и дальше, – тяжело вздохнул Грач и, вдруг посерьёзнев, взял мою ладонь в свою. – Сейчас идёт война, Насть. Очень неприятная и непривычная для человечества. Хотя бы потому, что сражаемся мы не с людьми.

– А с кем тогда? – мне показалось, что он меня разыгрывает.

– Давай я не буду показывать тебе положенные моменту кинохроники? Я видел их не один раз и меня от них тошнит уже, если честно. Чтобы ты начала воспринимать меня все-

рьёз, можно поступить иначе.

– Как?

– Вряд ли ты забыла, как мы сюда попали, но я напомним. Мы барахтались в реке и вдруг оказались в комнате с порталом. Это часть перенятых технологий врага. Есть и другие. Вот, смотри внимательнее, – он убрал от меня свою руку и вытащил из кармана небольшой синий камушек. Грач повертел его перед моим лицом, удерживая двумя пальцами, а затем сжал в кулак и... пропал.

Я испуганно пискнула и даже машинально отстранилась назад. Затем помотала головой, надеясь так снять с себя навяждение. Но Грач не появился, а потому я недоверчиво потянула руку к стулу, на котором он сидел. Пальцы наткнулись на что-то, и воздух перед моими глазами задрожал, задёргался, как картинка на телевизоре с плохим сигналом. Я тут же отдёрнула руку. Всё стало как прежде, но сердце бешено застучало в груди. А ещё через несколько секунд я решилась на повторение эксперимента и пронзительно завизжала, когда что-то ухватило меня.

В ту же секунду раздался залиvistый мужской смех. Это ничуть меня не успокоило, но, когда я вдруг увидела Грача, сжимающего мои пальцы, то сама прыснула со смеха. Из-за нервов, наверное.

– Что это было?

– Маскировка. Технология, которую мы научились копировать. Этот камешек создаёт волны, которые влияют на вос-

приятие окружающего.

– И много ещё такого?

– Какого такого?

– Ну, интересного, – загорелась желанием узнать больше я, и Грач грустно покачал головой.

– Нет, Насть. Интересного в этом нет. Ничего. Те, с кем мы пытаемся сражаться очень хорошо вооружены. Их технологии основаны на создании и вживлении в организмы различных типов кристаллов, природу которых нам не разобрать. Они могут делать такие вещи, что ты себе даже представить не можешь. То, что я показал, примитив их способностей и вершина искусства наших научных умов. На создание «кузнечика», кристалла для телепортации, у нас уходит около года. А массовое их выращивание невозможно. Это так, для примера.

– То есть нам повезло, что он у тебя был?

– Невероятно повезло. А ещё мне очень повезло, что я сумел объясниться с начальством, откуда его взял, – он улыбнулся, но мысли в моей голове были далеки от того, чтобы улыбнуться в ответ. Я спросила:

– А почему приходится сражаться?

– Потому что на нас нападают.

– Хм. Тогда почему всё это тайна? Войны, они как-то иначе ведутся.

– Настя, ты не первый год на свете живёшь, и, думаю, ты прекрасно понимаешь, что люди, в чьих руках сосредоточе-

на власть мира, далеко не альтруисты. Они больше думают о своей личной выгоде, а потому пришли к соглашению с мунтами. Это мы так называем наших врагов. Они внешне очень похожи на людей, но... сразу видно, что они не люди.

– Я не понимаю. Если эти самые мунты в разы круче людей, то зачем им с кем-то там договариваться?

– Они не только круче, они ещё и умнее в чём-то, – с сожалением хмыкнул Грач и, подумав, вздохнул. – Ладно, видимо придётся начать с самого начала. Дело было так. Наверняка, ты знаешь о предположении, что жизнь на Земле появилась извне. Знаешь?

– Конечно.

– И это действительно так. То ли какие-то отщепенцы мунтов здесь обосновались, то ли корабль их потерпел крушение и экипаж на нашей планете прижился. Сейчас сказать сложно. Важно, что человечество возникло благодаря им, а не обезьянам. Это они проводили целенаправленную селекцию для выведения подобных себе существ, а не эволюция постаралась. Но, видимо, в какой-то момент ситуация вышла из-под контроля, иначе бы мы до сих пор знали для чего нужны пирамиды и поклонялись своим создателям. Люди, неким образом получив свободу, смогли создать свои собственные цивилизации и даже начали стремительно развиваться. Ведь круто же! Сотни тысяч лет существовал человек разумный и ничего толкового не изобретал. А за последние три тысячи дошёл до того, чтобы космос осваивать.

– Там мы на них и наткнулись? В космосе?

– Ну, как сказать. Не мы, а они на наши сигналы. Может, слышала про сигнал Аресибо? Он, по-моему, самый известный.

– Нет.

– Тогда и не забивай себе голову. Суть не в названиях, а в событиях. Мунты нашли нашу планету и оценили её по достоинству. Видишь ли, миров во вселенных для экспансии им хватает. А вот солдат для захвата в обрез. И так вышло, что генетика человека, размножающегося со скоростью света, прекрасно подходит для трансформирования в стандартные боевые единицы. Так что нашему сверхправительству предложили всё, чего оно могло пожелать. Продление жизни, полезные технологии, помощь в укреплении власти... В общем, традиционный набор бус для туземцев. Взамен лишь одно – регулярные поставки человеческих особей. И согласись, вот уж на нашей Земле-матушке этого-то с лихвой! – он усмехнулся, прежде чем кисло поморщился и шепнул. – Пока ещё с лихвой.

Последние слова сделали для меня ясным отношение Грача ко всей ситуации. Кем бы ни были эти мунты, он их ненавидел. И из-за этого их начала бояться я. Мне было очень страшно спрашивать.

– Стандартные боевые единицы. Грач, а что именно они из нас делают?

– Послушных мутантов. Киборгов... Я против такого.

– Я тоже... Но ведь всё не может быть так плохо. Ты понял, я поняла, кто-то другой тоже узнал. Так вся планета восстановится.

– Нет, – безрадостно улыбнулся он. – Посмотри, что происходит. Раньше люди держались друг друга и были заодно. А теперь нас учат жить по одиночке и ни во что значимое не верить. Они выпускают вирусы, чтобы мы привыкали к самоизоляции. Они создают мораль, разлагающую нравственные устои. Может, это смешно звучит именно из моих уст, но это так. Сейчас норма встретиться, заняться сексом и разбежаться. А, чтобы получше закрепить новые устои, вводятся законы, разрушающие семью как ячейку общества. И при этом вовсю звучит пропаганда, какое зло аборт. Вскоре женщины будут обязательно рожать, так как именно так положено ответственному гражданину. Но по рождению они без сомнений примутся писать на ребёнка отказ. А что потом с этими детьми будет? Те, кто может менять статистику, смело отправит мунтам нужное количество людей. И планете ведь легче. У нас, как никак, ресурсы не безграничны.

Жёсткость его голоса произвела на меня впечатление. Он верил в то, что говорил, а потому я с сочувствием посмотрела Грачу прямо в глаза. Мне было понятно, что он не лжёт. Этот мужчина говорил истинную правду или то, что считал правдой. Для обмана в нём было слишком эмоций. Причём таких, когда без раздумий хочется встать рядом, беря ружьё на плечо.

... Я и взяла, образно говоря.

– А я чем? Чем я могу тебе помочь?

– Ты? – очнулся от своих мыслей он и удивился.

– Да, я. Ты же не просто так мне такое рассказываешь.

– Верно, не просто так, – грустно приподнял уголки губ

Грач. – У нас вообще-то жёсткая конспирация. И если кого-то не завербовать, то по-хорошему его надо устранить. Мне даже распечатали файл на тебя, чтобы я осознанно решил, что с тобой делать.

Он вытащил из-за пазухи два криво сложенных листа, скреплённых степлером. Видимо, мои данные распечатали ему в спешке, буквально-таки на ходу. И на тот момент меня даже не затронуло, откуда у кого-то может быть какая-то информация обо мне. Я испугалась другого.

Прочитал? Узнал?

Ему уже всё известно?!

– Не смотри на меня такими глазами, – попросил Грач. – У нас не средневековье, чтобы не подозревать, как оно на белом свете бывает. Грустно и жестоко. Но ты, Насть, не бойся. Я уже всё решил. Мне этого читать вовсе не надо, – он потряс компроматом на меня. И пока он им тряс, я следила за бумагами так же, как котята порой смотрят на бантик на ниточке. – Я людей и так насквозь вижу, и потому знаю, что ты хороший человек. Прекрасная храбрая девушка, которой обычной жизнью жить надо. То, что на самом деле творится вокруг, не для тебя.

Грач выжидательно уставился на меня.

– Чего молчишь?

– А? Просто... Просто мне, – замялась я.

– Не трясись ты так. Не надо меня бояться, – он снова взял меня за кончики пальцев. – У нас получится схитрить немного. Прямо сейчас, конечно, мне тебя отпустить никто не даст...

Мои переживания пополнились ещё одним обстоятельством. Что значит «отпустить никто не даст»?! Мамочки! Да меня мама самой первой убьёт, если я до вечера не явлюсь домой! Я же должна... Нет, ОБЯЗАНА быть дома!

– Я не могу здесь остаться.

– Да, я про это и говорю. Поэтому придётся сделать вид, что ты одна из нас. А там я найду повод вернуть тебе твою жизнь.

– Нет, ты не понимаешь. Мне очень надо домой. Очень! – от волнения я говорила излишне торопливо. – Я смогу попасть домой сегодня?

– Настя, – он сжал мою руку крепче и придвинулся ближе, но тут дверь открылась, и ему пришлось отодвинуться.

В комнату вошёл медик. На нём не было такого защитного комбинезона, в каких нас встречали в «приёмной», но его пестревшее морщинами лицо выглядело невероятно суровым. А потому впечатление он на меня произвёл то ещё.

– Я прошу вас вернуться для продолжения процедур.

– А что-то ещё, док? – с недовольством осведомился Грач.

– Да. С начала этого месяца мы усовершенствовали чистку организма. Так что уберём капельницу, а потом обязательная инъекция. После этого вы свободны, но курс уколов надо будет пройти. Их нельзя пропускать.

– Периодичность?

– Раз в двадцать-двадцать восемь часов. На протяжении четырнадцати дней.

– То есть две недели на игле? – поморщился Грач, и врач сухо заметил:

– Оно того стоит. Пройдёмте.

Пришлось вставать и идти. Наверное, освободить нас от капельниц доктор мог и на месте, но он этого не сделал по каким-то своим соображениям. Так что я вернулась в палату с этой громоздкой конструкцией. Вероники там уже не было, а Макс как раз собирался уходить. Однако, завидев нас, задержался.

– Опять создаёшь проблемы... Грач.

– И не сложно тебе язвить с такой нашлёпкой на морде?

– Нет, наоборот. Она даже провоцирует меня на гадости.

По роже схлопотать мне уже не страшно, всё равно лечиться и лечиться.

Грач усмехнулся над громоздкой шуткой и уточнил:

– Какие прогнозы? Останется шрам или успели вовремя?

– Если останется, – поморщился Макс, – то представляю, каким я теперь красавцем буду.

– А может и красавцем, так как бриться начнёшь не через

раз. Вечно ходишь, как заросшая обезьяна.

– И с чего мне теперь бриться чаще?

– На шрамах волосы не растут. У тебя теперь половина лица гладкой до совершенства станет.

– Ох ты ж ё! – с недовольством воскликнул просвещённый Макс, а радостный от его реакции Грач смело подставил доктору плечо для укола.

– Ага. А теперь давай, иди. На этот раз тебя в пятьдесят пятый сектор на инструктаж определили.

– Да, знаю. Вероника туда уже ушла.

– Так и ты иди. Мне ещё с девушкой общаться, – Грач кивнул на меня головой.

Ранее мне казалось, что укол антибиотика это больно. Нет. Настя теперь знает. Вот такие уколы это больно. Неизвестная жидкость холодом растекалась под моей кожей, наполняя неприятным ощущением с головы до кончиков пальцев ног. Но и это закончилось. А там Грач повёл меня куда-то. И, едва мы остались наедине, я вернулась к нашему разговору.

– Грач, мне нужно домой.

– Я услышал тебя и уже всё сказал. Нет! – недовольно прикрикнул он и куда как более тише шепнул: – Не здесь. Коридоры прослушиваются.

Глава 4

Местом назначения стала небольшая комната, чем-то похожая на каюту без иллюминатора. Из-за серых стен и пластика, из которого была сделана мебель, обстановка в ней выглядела спартанской. А, может, такое впечатление создавало отсутствие личных вещей. Не было ни фотографий, ни статуэток, ни растений...

«Идеальная комната для военного», – даже подумала я.

– Я думаю, сегодня тебе будет лучше переночевать здесь, – сказал Грач, садясь на стул подле письменного стола, и обвёл рукой помещение. – В моей конуре тесновато, конечно, но вряд ли новобранцы хорошо тебя примут.

– Так это твои апартаменты?

– Да. И, самое шикарное, в них точно нет никакой прослушки. Так что можешь, не стесняясь, говорить чего ты там хотела сказать.

– Да я уже всё сказала, собственно. Мне нужно домой. Прямо сейчас.

– Детка, – он улыбнулся мне, как непонятливому ребёнку, – прямо сейчас не выйдет.

– А утром?

– Утром тебе предстоит создать благоприятное впечатление у штатного психолога и пройти уйму тестов для опреде-

ления навыков.

– Но меня... меня же мама ждёт! Господи, я вернусь сюда, если так надо, но я должна, понимаешь, я кровь из носу должна приехать домой! Любой ценой.

Я была непоколебима, как скала. И я была уверена, что выражение лица у меня было серьёзнее некуда, но Грач всё равно добродушно рассмеялся.

– Оу, вот ты о чём, – хохотнул он. – Надо же, ты мне показалась чуточку старше. Ну-ка, ну-ка, сколько тебе лет?

Он достал из-за пазухи знакомые листы и принялся разворачивать их. Сердце моё забилося чаще, и потому я сказала сама.

– Двадцать два. Двадцать три скоро будет.

Грач прервался в своём занятии и посмотрел на меня с искренним удивлением.

– А я думал тебе двадцать семь или около того.

– Это всё макияж, – я провела рукой по лицу, на котором этот самый макияж основательно так поплыл. Всё-таки купание в реке то ещё испытание.

– Хм, тогда зачем тебе эта краска?

«Серёге было за тридцать. Я не хотела казаться ему малолеткой», – могла честно ответить я, но не стала.

Да и в целом, даже безо всяких ухищрений с косметикой, мне давно уже давали чуть больше моих лет. Пожалуй, всё дело было в глазах. Их взгляд перестал быть таким беззаботным, каким был до того, как я разменяла свой второй деся-

ток.

– Не знаю. Так принято, – пробормотала я таким осунувшимся голосом, что до Грача дошло, какие бестактные вопросы он задаёт. Он смутился и резко перешёл на другую тему.

– И чем ты по жизни занимаешься? Ну, кроме ночных прогулок я имею в виду.

– На учителя английского учусь. Я люблю детей, да и языки то немного, что мне даётся.

– Какой ещё знаешь?

– Итальянский. У меня бабушка настоящая итальянка, вот я за ней в детстве всё повторяла и выучила. Честно, итальянский я знаю лучше английского. Но у английского перспектив больше, вот я его и выбрала как специальность.

– Ясно. Выходит, боишься, что мама ругать будет? – было видно, что он с трудом сохраняет серьёзность на лице.

– Да.

– А то, что тебя в армию завербовали, да ещё такую, тебе не страшно?

– Почему же? Страшно. Но... не так.

Грач не выдержал и залиvisto рассмеялся. Ему было так смешно, что он вынужденно облокотился на стол, чтобы не упасть со стула от смеха.

– Прости, – через истеричное веселье сумел произнести он. – Я ведь уже и забыл... Забыл, как это бывает.

Наверное я бы поддержала его веселье. Но мне было пре-

красно известно, что дело не только в маме. У меня имелась куда как более веская причина вернуться домой!

– Мне было неприятно, – всё же решила озвучить я. – Может, для тебя всё это глупость и детство, но для меня это важно.

Мои слова действительно внесли ноту ясности. Грач перестал веселиться, сделался серьёзным. И, обдумав про себя что-то, сообщил.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать. Постараюсь вывезти тебя отсюда хотя бы на сутки. Но не раньше, чем наступит утро. И ещё... тебе придётся дать обещание.

– Какое?

– Постарайся придумать что-то, чтобы спокойно и легко исчезать из дома на долгое время. Если не получится, то придётся задействовать прикрытие, а оно тебе аукнется. Неизвестно, что эти аналитики решат лучше сделать. Могут и в другой город по учёбе перевести.

– Я поняла, – с неподдельной тревогой сказала я.

– Тогда отдыхай. Я сейчас в душ только схожу. Помоюсь, переоденусь и сразу уйду.

– Ладно.

Он открыл шкаф, вытащил оттуда запаянный пакет с форменной одеждой и направился в соседнее с комнатой помещение, где, по всей видимости, располагалась ванная. Я осталась одна и первым делом, схватив со стола досье на себя, принялась читать то, что там было написано.

К счастью, информация была в хронологическом порядке. Она начиналась с того, кто мои родители, где я родилась, где училась. Далее шли краткие выдержки из школьной характеристики. Ещё некоторые мелочные нюансы. Всё, что я так страшилась, оказалось на второй странице. И поэтому, оглядываясь, как бы меня никто не застукал за таким занятием, я аккуратно расположила досье на себя среди бумаг так, чтобы оно стало казаться как можно менее заметным. Ведь, судя по всему, Грачу информация обо мне была не так уж интересна. У него уже сложилось впечатление... Так зачем ему раньше времени вытаскивать скелеты из моего шкафа? Пусть сначала влюбится. А там... ну, так вышло. Не было момента подходящего сказать. Не в лоб же пулять ни с того ни с сего.

Окончательно решаясь на такой то ли подлый, то ли благородный поступок, я легла на узкую односпальную кровать и немного подвигала пятой точкой, пытаюсь определить степень мягкости матраца. Увы, было жестковато. Да и вообще спокойные сны вряд ли бы мне сегодня приснились. Вот тоже душ принять, это да. Это хочется.

– Чёрт! – вдруг отчётливо донеслось из-за двери в ванную, а затем оттуда послышалось невнятное недовольное бормотание.

Я насторожила ушки. Мне жуть как интересно было, что же там произошло. Однако вернувшийся в комнату Грач сам всё объяснил.

– Глупый полиэтилен! – с порога воскликнул он. – Я на-

дорвал его только, а вся одежда уже вывалилась из пакета на дно кабинки.

– Намокла?

– Напрочь! Я торопился, и оттуда не вся вода ушла.

Зря он тряс эти самые мокрые вещи в своей руке. Я бы ему и так поверила. И уж тем более сказанное им несколько меня не расстроило. Грач стоял обнажённый. Его прикрывало лишь небольшое полотенце, обёрнутое вокруг бёдер. И злость придала ему шарма... а также внушила мне мысли, что ещё немного, и наряд современного Адама упадёт на пол.

«Торс у него загляденье просто», – оценила я.

Правда, открытые участки тела Грача настолько приковывали взгляд, что я захотела всенепременно узнать, также хорошо сложено то, что находится ниже?

– Не расстраивайся. Мне вот вообще переодеваться не во что. Платье ведь не отдали, на утилизацию забрали, – ответила я, с сожалением отвергая недостойную мысль распахнуть свой халат и призывно поманить пальчиком человека-мечту. Мне было страшно так поступить. Ещё и в голове возникло напоминание, как сильно мой макияж размазался.

– Ох, точно, – между тем нахмурился Грач.

И чёрт, в этот момент он был так красив, что я, преисполняясь то ли храбрости, то ли безрассудства, встала с кровати и подошла к нему!

– У тебя есть ещё одежда?

– Да, один запасной комплект. Но, – он рассмеялся, – как

мы его будет делить? Мне низ, а тебе верх?

– Угу. Думаю, наоборот выйдет как-то неловко.

– Ну да, а так мы сумеем составить одно целое, – Грач засмеялся ещё звонче. – Как тогда, с капельницами.

Я сама прыснула со смеха. А он вдруг отбросил мокрую одежду в сторону и, мимоходом поправив свою набедренную повязку, взял меня за руку. Затем посмотрел мне в глаза. И, наверное, надо было смутиться, но я не могла оторвать взгляда от него. Я смотрела в его такие красивые, мистически чёрные глаза, и они притягивали меня как бездна. Как тёмное ночное небо.

Мне хотелось, чтобы Грач был моим, а потому я с наслаждением ответила на его поцелуй. Мои руки сами собой обвили вокруг его шеи, а там и заскользили по крепкой обнажённой спине.

– Уверена, что хочешь этого? – вдруг прошептал он.

Господи, ну кто в такой момент интересуется такими вещами?!

– Конечно, да.

Ты ведь тот. Ты тот самый, кто изменит мою жизнь.

Грач дёрнул за пояс моего халата, чтобы развязать узел на нём, а затем посадил меня на кровать и принялся ласкать. Движения выдавали в нём уверенного и нежного любовника.

– Это хорошо.

– Что хорошо?

– Что ты хочешь этого, – промурлыкал он и сказал ещё

нежнее. – Потому что я определённо тебя хочу.

Наши губы снова слились в поцелуе, но на этот раз поцелуй был полон страсти и обоюдного горячего желания. В моей голове ещё успела промелькнуть мысль, что никогда ещё у меня не было так. Никогда я не отдавалась мужчине раньше третьего свидания. Но потом все мои мысли исчезли. Мне хотелось любить этого мужчину. Быть с ним одним целым. И только!

В любой другой день я бы не проснулась так рано, но события ночи хорошо поиздевались над моими нервами. Наверное, я не проспала даже двух часов. Сложно судить, потому что в комнате не было окна и часов тоже. Телефон мне не оставили. У меня вообще ничего из личных вещей не осталось. Уж не знаю, чем там нас могли облучить мунты, но медики утилизировали всё. Единственным послаблением стало то, что они ключи от моего дома на изготовление дубликата отправили. А так – гол как сокол! Хорошо хоть бумажные деньги давно заменила банковская карточка. Вот обидно было бы! Карточку хоть восстановить можно.

Решила я, что спала совсем немного потому, что Грач лежал рядом. Его сладкое сонное дыхание было приятно. Но раз он не бодрствовал, то Настя, как всегда, впереди планеты всей. И, конечно, первым делом после пробуждения мне захотелось в ванную. Я осторожно встала, накинула на себя валяющийся на полу халат и пошла туда на цыпочках. Там привела себя в порядок, тщательно смыла размазавшийся макияж и только потом вернулась в спальню. Грач как раз поднялся с кровати и потягивался.

– Не думал, что ты такая ранняя пташка.

– А сколько времени?

– Девять часов. Мы с тобой от силы четыре часа и отдохнули.

«Да какой тут отдых? Мне домой надо!» – была готова

возмутиться я, но повела себя намного спокойнее.

– Хм. Грач, а эта база далеко от центра города?

– До него не меньше часа ехать... Да, можешь мрачнеть.

Мама тебя убьёт.

– Не смешно, – процедила я, а затем всё же улыбнулась, подошла к нему и поцеловала. – Но, скажу честно, приключения этой ночи стоят любой родительской ругани.

– Серьёзно?

– Да.

Его рука ненадолго скользнула под мой халат, но вскоре Грач печально вздохнул.

– Нет, если я задержусь тут с тобой, то вообще ничего не успею. Давай так, ты сиди здесь, а я к тебе психолога направлю. Заодно попрошу, чтобы тебе одежду какую-нибудь гражданскую принесли. У тебя какой размер?

– Сорок четвёртый.

– А обувь?

– Тридцать девятый где-то, – смущаясь, призналась я.

– Хорошо, жди. Постараюсь доставить тебя к маме целой и невредимой, – усмехнулся он и, подойдя к шкафу, вытащил новый пакет с формой. Однако перед тем, как открыть его и одеться, Грач внимательно посмотрел на меня и сказал. – И Насть, смотри, к завтрашнему утру выдумай себе стоящее оправдание для исчезновения. И на дня три, не меньше.

Говорил он абсолютно серьёзно, даже холодно. Создавалось впечатление, что если я не поступлю в соответствии с

его требованиями, то он сам меня за шкуру из дома вытащит и уже никогда обратно не вернёт. А потому я на миг ощутила себя не в своей тарелке, но, по итогу, понятливо кивнула. Он утешающе потрепал меня за щёку, оделся и ушёл. Потом, стоило мне основательно заскучать, пришла психолог. Эта дама мне очень понравилась, хотя людей её профессии я всегда недолюбливала. Наверное, дело в том, что она не только одежду мне принесла. Мы с ней мило побеседовали, наливая в пластиковые стаканы из термоса чай и заедая его булочками. Еда пришлась очень кстати, я была более чем голодна. А стоило женщине уйти, как вскоре вернулся Грач.

– Тебе идёт, – оценил он мой новый наряд. Им оказалось бардовое платье-клёш и ботильоны.

– По-моему, как-то старомодно.

– Пожалуй, но тебе идёт. И всё равно ничего другого я не достал. Военной формы полно, а женских штучек – поди поищи ещё.

– Так откуда взял?

– Девочки есть девочки, любят развлекаться. У нас здесь своя студия танцев и там полно всяких странных нарядов для всех желающих потанцевать. Они занятия обычно тематическими делают.

– Ого. Неужели даже балы бывают?

– Поначалу были, но нас, мужчин, на такое не затащить. Так что вечеринки давно проходят в более современном сти-

ле. Но ретро популярно. Джаз вообще круто, я считаю.

– А у вас тут весело бывает! – честно сказала я.

– Иначе нельзя. Когда всё совсем серьёзно, то рехнуться можно. Надо и общаться, и развлекаться, и любить. Ведь жизнь может кончиться внезапно.

Сам Грач меня до дома не провожал. Мы всего-то пообедали вместе. А там, стоило мне заполнить в десяток огромных анкет и получить инъекцию, как он посадил меня в машину с кем-то из агентов и напомнил, чтобы завтра в четыре часа дня я была готова кардинально менять свою жизнь. Мне оставалось только тайком чмокнуть его в губы на прощание. Но, к счастью, ему этого показалось мало. Он, никого не стесняясь, поцеловал меня по-взрослому и шепнул, что ждёт не дождётся вновь затащить в свою комнату. Такое прощание меня более чем устроило. Поэтому я, стараясь сдерживать довольную улыбку, надела плотную повязку на глаза и так и просидела всю дорогу, предаваясь собственным мечтам.

Агент, он же водитель, позволил мне осмотреться по сторонам только перед въездом в город. Я с радостью смотрела на оживлённые улицы, ряды машин, светофоры. И с ещё большим счастьем ступила на асфальт набережной реки Смоленки.

– Всего хорошего, – скупно попрощались со мной.

– Да, и вам того же.

После этого я поспешила к подъезду. В одном платье на улице было очень холодно настолько, что я даже совершила пробежку по лестнице, поднимаясь на четвёртый этаж. А там с превеликим удовольствием закрыла за собой дверь на все замки. Затем, первым делом, разорвала на мелкие клочки всё же утащенную из комнаты Грача вторую страницу досье на себя и выкинула мелкие бумажки в мусор. После этого, попутно соорудив бутерброд, принялась переодеваться в то, что имелось. В однокомнатной квартире, куда я – обладатель прописки с двадцати двухлетним стажем, всё никак не могла толком переехать, было мало моих вещей. Здесь вообще шёл затяжной ремонт. Мне удалось своими силами отремонтировать только комнату. И, разумеется, никакая мама у меня здесь не жила. Чтобы попасть домой к родителям, мне пришлось сделать две пересадки на метро.

– О, красавица наша вернуться соизволила. Нагулялась? – с порога сообщил о царящей в семье атмосфере отец и недовольно упёр бока руками.

– Папа, пожалуйста, – тихо попросила я.

– Могла хотя бы трубку взять, раз самой позвонить мозгов мало!

– У меня сумку... Сумку украли, а телефон там был.

– Ох, – резко изменилось его настроение. – Как так?

– Из рук вырвали. Как раз перед самым свиданием.

– Вот растяпа! – сходу обвинила меня подоспевшая мама, но тут же изменила интонации, так как её кое-что очень и очень волновало. – Ну, как там этот Серёжа? Будете дальше встречаться?

И вот что мне ей ответить?

Я застыла в молчании, но тут из комнаты, дико визжа от радости, выбежал ещё один член семейства – двухлетний Вадик.

– Мама! Мамочка вернулась!

Глава 5

– Мама! Мамочка вернулась!

– Вадимка! – радостно воскликнула я и прижала сына к себе. А затем попыталась сунуть ему в руки пакетик, в котором лежала игрушка. – Я тебе подарок принесла. Вот.

Но мальчику было пока не интересно то, что я целый месяц для него выбирала.

– Там торт! Бошой-бошой!

Он потянул меня за руку и я, кое-как на ходу скидывая с себя обувь, пошла вслед за ним на кухню. И, конечно, я знала, как должен выглядеть торт, сама ведь заказывала, но восторг в глазах сына заставил выразить удивление.

– Ого! Вот это да.

– Хочу торт, хочу кушать торт! Мне без тебя не дают, а тебя всё нет и нет! – аж надул он губёнки от обиды, и моя мама тут же кивнула на стул.

– Давай уж, садись, Насть.

Все расселись, только она суетливо принялась расставлять чашки, чтобы мы могли разлить по ним ароматный чай. Время, к моему безмерному удивлению, проходило беззаботно и легко. Не иначе, чтобы праздник не портить, никто не спрашивал, где я была и что там делала. Обговорили только, что хороший смартфон пока не купить и мне придётся пользо-

ваться старым маминым. А там Вадик вспомнил про мой подарок и вскоре начал катать машинку, рыча, словно взаправдашний мотор. Папа, довольно потрепав его по густым тёмным волосам, ушёл в спальню смотреть телевизор. Начиналась трансляция футбольного матча, а он редко пропускал игры любимой команды.

– Мам, – посчитав момент удачным, принялась за ложь. – Мне кажется, Серёжа хороший человек. И, знаешь, он мне предложил завтра на турбазу поехать. Под Приозерск. На несколько дней.

Лицо мамы вмиг сделалось суровым, как у полководца перед решающей битвой. Смотрела она на меня очень выразительно. И голос у неё соответствующий был.

– Опять сбегаешь? – свысока осведомилась она.

– Ну а как мне ещё наладить личную жизнь?

– У тебя сыну, – мама поставила одну из кружек в раковину с таким грохотом, что та могла и разбиться. – У тебя сыну сегодня два года исполнилось. А ты, вместо того чтобы поцеловать его с самого утра и поздравить, за мужиком волочилась.

– Я же тебе объясняла почему не захотела от свидания отказываться.

– Объясняла. И я тебе тоже кое-что объясняла и не раз. Вот, даже снова напомню, – мама указала рукой на беззаботно играющего мальчишку. – Вот он – твой смысл жизни.

– Но я не хочу так... Не хочу прожить жизнь одна!

Мама сурово поглядела на меня. И всё, что она желала сказать, было ясно без слов. Ей снова хотелось отругать меня за Саньку, от которого с первого взгляда ничего путного не стоило ждать. Ей хотелось отругать меня за беспечность, за то, что я побоялась делать аборт, и за то, что сейчас усложняю ей, пожилой женщине, жизнь... Но мама любила Вадика. И мама любила меня. Ей хотелось счастья для нас обоих, а потому она сдержала внутренние порывы и буркнула.

– Тогда делай это уже без глупостей. Чай не девочка, поумней быть должна.

– Так можно я поеду на турбазу? Это всего дня на четыре.

– Езжай, если думаешь, что так надо. Присмотрю за Вадиком, куда денусь? – недовольно фыркнула мама, а потом задумалась и вспомнила. – А учёба как?

– У нас же сейчас написание диплома, нет обязательной посещаемости.

– То она учится, то обои клеить ушла, то свиданка какая-то. Ты сына вообще не видишь! А он же скучает.

– Так и я тоже.

После этих слов я встала из-за стола, подошла к малышу и начала катать машинку вместе с ним. Так было легче скрыть глаза, на которые наворачивались слёзы. Мама некоторое время смотрела на нас, а затем тяжело вздохнула и продолжила мыть посуду.

На назначенное место я подъехала на двадцать минут раньше, чем требовалось. Боялась, что маршрутка попадёт в пробку и я опоздаю, а потому вышла из дома раньше. Плюсом этого было ещё и то, что у Вадика был как раз дневной сон, никаких слёз и воплей, почему мама куда-то уходит, не возникло. На сердце у меня из-за этого было тяжело и радостно одновременно. Я тревожилась за себя, за то, что может произойти с сыном, и... очень хотела увидеть Грача вновь! Я хотела услышать его смех, почувствовать вкус его губ.

«Влюбилась ты, Настя, и с первого взгляда!» – ехидно усмехнулись мысли в моей голове. И я, поглядев на внезапно вышедшее из-за облаков солнышко, улыбнулась. Ведь действительно влюбилась. По-детски легко, без раздумий. Наверное, так могла влюбиться Джульетта в своего Ромео. Вот только ей... сколько ей было? Тринадцать или четырнадцать? Не важно. Мне то все двадцать два. Двадцать три через пару месяцев. И, как говорит мама, взрослая уже девочка. Умнее быть надо.

Фу! Какой противный запах!

Я бросила курить во время беременности. В какой-то момент не смогла переносить табачный дым и разом покончила с привычкой. А потому недовольно скосила взгляд направо и увидела, что вблизи меня пристроился смолить самокрутку бородатый мужик с длинным волосами. Он был похож на

любителей старины. Таких, что боготворят старославянские традиции и, не имея никакого образования, корчат из себя лингвистов по причине внутренней потребности везде и во всём увидеть подтверждение своим взглядам. Для меня это были нелепые и смешные люди. Любую ерунду разберут и переиначат так, чтобы по-сектантски упёрто следовать некоему завету предков! У типа возле меня поверх одежды ещё и символ Перуна, как амулет, висел. Я узнала узор, так как видела его не раз на одном из сокурсников.

В общем, мужчина мне не понравился. И потому я, избегая конфликта, сделала несколько шагов в сторону. Ровно столько, чтобы дым на меня не попадал. Однако незнакомец повёл себя странно. Мельком поглядев на меня, он сделал затяжку и, будто ненароком, придвинулся ближе. Ещё и постарался выдохнуть так, чтобы меня вонючим табаком окутало.

– Да что вы себе позволяете? – не сдержалась я от возмущения и тут же отошла в сторонку.

Это во мне вышло благоразумие. Я подумала, что не стоит связываться, мало ли какие там тараканы в голове. И они определённо были, так как мужчина, негромко хохоча, двинулся ко мне.

«Чёрт, и не сбежишь ведь», – расстроилась я и внутренне приготовилась то ли звать на помощь, то ли самой защищаться. Сумка у меня на плече висела тяжёлая и большая. Чай на четыре дня не пойми куда собиралась, а потому папину спортивную взяла.

– Ха, молодец, вовремя явилась, – подойдя ближе, сказал мужик. – Но наблюдательность у тебя на нуле. И память тоже.

– Э? – растерянно выдавила из себя я.

Сказанное было совсем не тем, что я ожидала, а потому я несколько не расслабилась, когда начала всматриваться в лицо этого мужчины. Он был темноволос и бородат настолько, что хорошо различался только его армянский нос и узкие синие глаза... ой! Я тут же узнала его.

– Ага. Поняла. Ну, раз поняла, то пошли.

Он подвёл меня к машине и кивком головы дал понять, чтобы я садилась внутрь. Я села, стараясь не хлопать дверью, и первым делом поинтересовалась:

– Это вы, Макс?

– Конечно, я. Кое-кто нам обоим знакомый может, конечно, часами стоять с бритвой у зеркала, раз ему так нравится. А мне вот такие патлы по душе.

Будучи полностью несогласной с тем, что подобный облик можно счесть красивым, я продолжала смотреть на Макса и молчать. Пауза даже стала до неприличия долгой, а потому я всё же выдавила из себя.

– Хм. Вам идёт.

– Брешешь ты тоже фигово, – вздыхая, заключил он и завёл машину. Однако, прежде чем начать движение, спросил. – А чего ты свой баул на заднее сиденье не закинула? Так и поедешь, вцепившись в него двумя руками?

– Ну...

– Давай сюда, – он легко поднял мою неподъёмную спортивную сумку и запихнул её назад. – Так легче, я думаю? И давай-ка ко мне на ты. Ладно?

– Хорошо, – улыбнулась я и застегнула ремень. – Куда едем?

– Пока никуда. У тебя при себе какая-нибудь техника есть?

– Только телефон.

– Давай.

Я протянула старый смартфон с побитым экраном. Выглядел он жалко, но дома ничего другого для меня не нашлось. В конце концов, с родителями связаться и по нему можно, а там нашёлся бы вариант получше. Но Макс, судя по всему, дизайн не был важен. Его лицо не выразило никаких эмоций.

– Важные для тебя данные на нём есть?

– Нет, он пустой. Важные были на том, что от меня вчера медики отобрали. Тут из необходимого мне только список контактов.

– Контакты в памяти телефона или на сим-карте?

– На симке, и я уверена. Тут сейчас моя вставлена, я её утром восстановить успела. До того телефон был пуст.

– Хорошо.

С этими словами Макс вытащил сим-карту из моего телефона и вставил её в непонятный прибор, на дисплее которого вмиг запрыгали яркие столбики.

– А что ты делаешь?

– Обеспечиваю тебе безопасную связь. Копирую твои контакты безопасным образом и сейчас запишу их вот сюда, – он вытащил из крошечного контейнера сим-карту без каких-либо опознавательных знаков и поместил её в соседнее гнездо на приборе. – Также, я добавлю информацию о номерах, на которые обычная прослушка не будет откликаться. В записной книжке они, естественно, не появятся и не вздумай их сохранять сама. Ок?

– Ясно.

– Отлично, – с этими словами он вытащил из-за пазухи совершенно другой смартфон и поместил туда сим-карту. – Держи... Чехол можешь выбрать любой, допускается.

– Ого! Круто.

Мой новый смартфон выглядел в разы круче маминого. И меня это радовало, пока ко мне не пришла в голову мысль, что теперь не только доблестная служба безопасности сможет при желании просматривать мои фотографии и прослушивать звонки, некая тайная организация по сопротивлению обязательно этим же самым займётся.

– А с моим телефоном что будет?

– А что с ним? – невинным взглядом посмотрел на меня Макс и, поместив мамин старый телефон и мою прежнюю сим-карту в чёрную металлическую коробочку, с щелчком закрыл её крышку. Затем раздалось лёгкое бум. Руки мужчины при этом дёрнуло, как если бы контейнер попытался

вырваться. А когда крышка открылась вновь, то внутри лежали лишь горелые обломки.

Я недовольно поджала губы и откинулась на сидение. Однако надолго моей отрешённости не хватило.

– Теперь можно ехать или ещё что-то?

– Можно. Только мы поедem на базу, а потому в какой-то момент тебе придётся надеть повязку для сна и сделать вид, что решила подремать.

– Без проблем, мне это не ново.

Мы начали движение и легко пристроились к ряду автомобилей. В этих машинах сидели спешащие по своим делам люди. Абсолютно не знакомые друг для друга горожане и гости города волею судьбы оказались именно на этой улице. В одном и том же месте, в одно и тоже время. Мне хотелось проникнуть в их мысли, узнать, чего они могут желать, к чему стремиться. Или, например, какое имя у той маленькой девочки, что, шагает по тротуару, глядит на поток машин и весело машет ладошкой? Может, она Ира? Или Настя, как я?

– А как Грача на самом деле зовут?

– Не спрашивай. Он успел всю базу обежать и предупредить, чтобы тебе никто ничего не говорил.

– Почему?

– Я его друг, а потому не стану говорить о нём плохо за глаза.

– А что хорошего сказать можешь?

Он просто пожал плечами, и мне стало понятно, что

непринуждённая беседа у нас не получится. Я элементарно не знала, какую такую тему поднять, чтобы Макс не напоминал о режиме секретности. А на банальную, вроде «Как настроение?», мне не хотелось общаться самой. Он не был для меня другом или приятелем, чтобы от такой ерунды перейти к чему-то действительно интересному. Да и видно было, что Максиму нравится говорить исключительно по существу. Трепаться сродни Грачу мой провожатый не любил. И в подтверждение этого за всё время дороги он задал лишь пару вопросов, услышав ответы на которые, сразу умолкал. Так что я была рада оказаться в ангаре и, скажу не тая, тут же с надеждой заозиралась по сторонам, надеясь увидеть Грача.

Мужчина моей мечты действительно спешил встретить меня. И серо-синяя военная форма ему очень шла. В ней он преобразился до совершенства. И потому я стояла, невольно гордо задирая нос, потому что шёл он не к кому-то, а ко мне. Его размеренный шаг и улыбка на лице являлись для меня лучшим знаком судьбы, что у нас с ним всё будет хорошо.

– Наконец-то ты приехала в нашу обитель добра и коварства, – сказал Грач вместо приветствия и, фривольно обнимая меня за плечи, повёл внутрь здания. – Я аж заждался.

– Погоди. Обитель добра и коварства? Это как?

– Цели у нас добрые, но добиваемся мы их исключительно коварством.

Я хихикнула. В обществе Грача мне даже секретная военная база унылым и грозным местом не казалась. Он умел

создавать вокруг себя лёгкую атмосферу.

– Эй, а мне спасибо за доставку сказать? – возмутился Макс, попутно кидая на сиденье машины парик и начиная отклеивать бороду.

– Давай я тебя лучше выпивкой угощу? У меня остались талоны в бар, так что посидим, поговорим. Хочешь, приводи кого-нибудь с собой.

– Когда?

– Может сегодня? Если кое-какой проект утвердят, то завтра меня уже перекинуть могут.

– Затёрли.

– Ну-с, – это Грач уже ко мне, – ждёт тебя Настя нынче целое приключение...

– Эй! – снова раздался голос Макса у нас за спиной, и мой мужчина недовольно обернулся.

– Что ещё?

– Лови!

В сторону Грача полетела моя тяжёлая сумка. И уж не знаю как, но он успел убрать с меня руки и поймал её. При этом, правда, крякнул.

– Это ещё что? Твоё, Насть?

– Да.

– У тебя там кирпичи, что ли?

– Нет, но самого необходимого хватает.

Грач закинул сумку себе на плечо да, на прощание махнув Максу рукой, повёл меня дальше. И при этом уже не обни-

мал... Это было обидно.

– Нет, судя по весу там кирпичи.

– Да зачем мне кирпичи? – удивилась я.

– А чего? Вещь удобная. Металлоискатель не обнаружит, в тёмной подворотне, как подмога, тоже сгодится.

– Угу. А если кавалер решит сумочку вежливо пронести и удивится весу с вопросом: «А у тебя там не кирпичи лежат?», то всегда можно этот самый кирпич показать.

– Ха! А что? Последующую оживлённую беседу кирпич вызовет.

– Это уж точно, – я едва не рассмеялась, представляя себе удивлённое лицо вероятного кавалера. – А ещё они цветов разных бывают, можно по дизайну и цвету подобрать.

– Вот видишь, какая полезная вещь кирпич, оказывается, – лукаво посмотрел на меня Грач.

– Теперь я в этом не сомневаюсь.

– Вот и хорошо. У тебя в этой сумке что-то из того, что на досмотре отнять могут, есть?

– Досмотр будет? – опешила я.

– Конечно, без этого никак.

– М-да, а я думала, что на новом телефоне всё закончится.

– Не, – усмехнулся он. – И по поводу нового телефона, кстати. Изначально все твои сообщения и звонки будут просматриваться и прослушиваться, поэтому не чуди... Но, да это тебе всё на инструктаже объяснят. С него всё и начнётся. А там будь готова, с тебя три шкуры сдерут, чтобы узнать, к

чему ты приспособлена лучше всего.

– Хм, а мы сегодня ещё увидимся?

– Да. Видишь ли, я рассчитываю заняться грязным соблазнением. Сначала поведу тебя в бар, там напою, а после этого обязательно затащу в постель, где научу парочке новых поз.

Я аж едва не споткнулась на ходу от такой откровенности, но... не скажу, что услышанное мне не понравилось.

– Хочешь знать, что я думаю об этом плане?

– Ну?

– Если ты его не исполнишь, я поставлю тебя к стенке и расстреляю.

Глава 6

– Ох, – не сдержалась я от вскрика.

Укол был чрезмерно болезненным, а, будучи шестым по счёту, ещё и неспособен противным. Однако пусть он стал далеко не последним, по итогу облучение некоего «луча небес» не нанесло моему здоровью непоправимого урона, а потому повод для радости у меня имелся. Да и в целом, если быть честной, я была счастлива. Пожалуй, никакая турбаза не смогла бы привести меня в такой восторг. А всё потому, что кроме нескольких психологических тренингов в обязанности мне ничего не вменили. Я могла в полной мере наслаждаться своим внезапным бурным романом.

Правда, подобная свобода появилась у меня далеко не в самый первый день. Он то стал по-настоящему напряжённым. Целая команда профессионалов бесполезно изыскивала во мне скрытые таланты, так как я оказалась абсолютно не пригодной к чему-либо значимому. Мой гуманитарный склад ума мало подходил для технических специальностей и научных изысканий. Плохо сросшаяся после детской травмы кость ноги и общая физическая подготовка не позволяли встать в ряды бойцов передовой. Память и логика жирной линией перечёркивали путь к карьере разведчика и шпиона. Экзамен на водительские права я тоже в своё время не на

ровном месте завалила, на это меня даже тестировать не следовало, я бы прямо сказала как есть. Пожалуй, единственное хорошее, что во мне имелось, так это сострадание. Но перечиваться на медсестру никто из начальства мне не предложил, а я к этому несколько не стремилась по причине панической боязни уколов.

– Ох-ох, – повторила я, стараясь удержать руки от того, чтобы почесать заболевшее место.

– Всё. Можете идти.

– Спасибо.

Поблагодарила я скорее по привычке. Это было удобное слово, чтобы поспешный уход из кабинета выглядел хоть немного вежливо. Негоже в полном молчании сверкать пятками и при этом громко хлопать дверью.

– Чего-то долго тебя там держали, – заметил Грач и прекратил прислоняться к стене, расположенной напротив входа в медблок.

– Да им надо было до конца мою медкарту заполнить, поэтому заодно недостающие анализы собрали и процедуры какие-то провели. Даже шапочку из проводов мне на башку надели. Чего-то там считывали, а мне теперь волосы от геля отмывать.

– Энцефалограмму, наверное, делали.

– Ну вот что за воспитание? Так грязно ругаешься в обществе дамы, – я сурово поглядела на Грача и прыснула со смеху. – Как ты такие страшные слова выговариваешь только?

– Скороговорки чаще произносить надо, – пояснил он и, поглядев на часы, грустно вздохнул. – Ну вот, я думал, что у нас будет больше времени на расставание. Теперь в мою берлогу нет смысла идти.

– Почему нет? – возмутилась я. – Мне надо в ангаре быть только... Сколько там времени? Только через сорок минут!

– Детка, это как-то не по-взрослому. Я понимаю, что мы не в восемнадцатом веке, когда за полчаса женщина могла расшнуровать только ботинки, а никак не корсет. Но уж лучше я подожду пару дней, чем буду приказывать: «Раз, два, три, кончаем!».

– А потом ещё и одеться за минуту.

– Кстати да, надо тебя в этом потренировать.

– Нет-нет, не надо. Пожалуйста, – простонала я. – Мне и так какие-то новые курсы подобрать обещали.

– Скорее всего, так было сказано, чтобы тебя не обидеть.

– Да? А чем тут можно меня расстроить? Я только за никакие курсы не посещать.

– Тем, что тебе курьерская работа светит. От обслуживающего персонала-то я тебя как мог отмазал.

– Не знаю даже хорошо это или плохо.

– Ты думаешь, я тебе чего-то плохого желаю? – Грач недоверчиво посмотрел на меня и провёл рукой по моим волосам, чтобы убрать выбившиеся пряди обратно за уши.

– Нет.

– Тогда и не говори глупостей. Для obsługi хороши зе-

лёные мальчишки и девчонки, у которых глаза горят азартом будущей славы. Они знают, что это всего лишь шаг перед тем, как они станут героями. Нужно только немного повзрослеть. Хорошо в этой службе ветеранам и калекам. Их преданность делу требует хоть какого-то участия. Но тебе-то что там делать? Во-первых, с базы или какого-либо иного объекта никуда не выйдешь. Во-вторых...

– Мне хватило первого пункта, – ужаснулась я. – Кстати, как у курьера у меня будут послабления?

– Будут. Ты станешь жить своей обычной жизнью. Самой обычной, Насть. Просто несколько раз в неделю придётся бросать всё в самый неподходящий для себя момент и делать то, что велено.

– А мы? – сердце сдавила тревога. – Мы будем видеться?

– Ближайший месяц регулярно. Меня же назначили ответственным за твоё вливание в Сопротивление.

– Хорошо тогда, – повинуюсь порыву чувств, я обняла его. – А потом ты ведь что-нибудь придумаешь?

– Обязательно.

Грач поцеловал меня в макушку и мягко отодвинул от себя, чтобы с лаской провести пальцами по моей щеке. Смотрел он мне при этом прямо в глаза.

– Давай я провожу тебя до второго уровня?

– А почему не до ангара?

– О, да никак ты решила не отпускать меня от себя ни на шаг? – хитро усмехнулся он и, увидев, что я теряюсь с

ответом, виновато развёл руками. – Я бы только за, но мне через пятнадцать минут кровь из носу нужно быть у генерала Фадеева.

– А, так вот почему ты не повёл меня к себя! – шаловливо толкнула его я, делая вид будто обижена. – Знал, что не успеешь за такое короткое время.

– Детка, я военный, поэтому думай, что говоришь, – абсолютно серьёзным голосом сообщил он. – Мне сорок пять секунд раздеться, сорок пять секунд одеться. Я в полной боевой готовности. Но... хватит ли времени тебе?

Я не выдержала и рассмеялась.

– Как у тебя получается шутить даже с таким суровым лицом?

– То мне дозволили годы тренировок буддистских монахов.

Я только покачала головой и позволила Грачу проводить меня, насколько то было для него возможно. Говорили мы о всякой ерунде. Лишь перед самым расставанием он выдал мне коробочку с восемью ампулами и спросил, смогу ли я справиться с инъекциями самостоятельно. Знакомая медсестра у меня имелась, так что в подобном я для себя проблемы не увидела. Ответ Грача устроил. Он поцеловал меня на прощание и сказал, что завтра обязательно позвонит. В крайнем случае, послезавтра.

– Какое-то размытое обещание.

– В своё оправдание могу сказать – зато я абсолютно че-

стен. И, кроме того, имею в планах встречу с тобой. Очень приятную встречу.

– Тогда это меня устроит.

Чтобы не задерживать его и эффектно уйти, я развернулась и пошла к лифту. Даже не обернулась по дороге. Лишь тогда, когда зашла в кабину, я посмотрела туда, где мог стоять Грач. И да, он по-прежнему находился там. От этого факта мне вмиг сделалось легче на душе, и особенно приятно

было то, что, перед тем как створки кабины закрылись, он поднёс свои два пальца к губам, поцеловал их и поднял руку в прощании. У меня не хватило времени ответить ему похожим жестом. И, по правде говоря, я знала, что будь у меня хотя бы пара секунд, я бы скорее бросилась к нему со всех ног и повисла на шее. Что мне эти воздушные поцелуи? Ведь вдали от него мне даже дышать тяжело было.

– О, опять ты, – присоединился ко мне этажом ниже Макс. – Никак сваливаешь отсюда?

– Да.

– Круто.

Макс замолчал и уставился в одну точку перед собой. Мне же в очередной раз пришла в голову мысль, что ему досталось самое несуразное сочетание генов на свете. Такой фенотип во всём мире, наверное, он один имел. Азиатские глаза синего цвета, армянский нос, по-скандинавски светлые волосы. Боже мой, кем были его предки? Как они вообще встретились?!

Сигнал лифта дал понять, что я доехала до уровня базы, где располагался ангар. Макс вышел вместе со мной, но первым успел приложить палец к сканеру и сообщить номер пропуска. Закончив с процедурой, он вышел из прозрачного бокса и повернулся ко мне лицом, словно поджидал.

– Кажется, я твоя попутчица? – вмиг сообразила я.

– Ага. Снова ты мне досталась.

– Хм. И чего, ты со своим настоящим лицом в городе, что

ли, мелькать будешь?

– Нет, конечно, – даже фыркнул Макс. – Пошли к машине, я там маскировку надену. Дел-то всего две минуты.

Удивительно. Но этого времени ему действительно хватило для преобразования. Бороду, правда, он на этот раз нацеплять не стал, но накладку на нос использовал. Затем какая-то пара движений пальцами и его лицо, в остальном очень даже приятное, стало напоминать лошадиную морду. Каштановый парик, с волосами длиной чуть ниже ушей, только усугубил это впечатление.

– Господи, да во что ты себя превратил?

– Зато, в толпе прохожих ты бы снова меня не узнала.

– Вот уж точно!

– Насть, да какое мне должно быть дело до того, как меня воспринимают люди? – Макс серьёзно посмотрел на меня.

– Не знаю. Все хотят друг другу нравиться.

– Все и могут нравиться. А я как-то с детства знал, почему на меня пальцем тычут.

– А как?

– Что как?

– Как тебе такая внешность досталась?

– Мама наполовину китаянка, а папа армянин. Я вобрал в себя их лучшие черты, да ещё и русской бабушке сделал приятное.

– У меня тоже бабушка итальянка.

– Причём тут бабушка-итальянка и тоже? – уставился он

на меня, как на душевнобольную.

– Ну, я в том смысле, что во мне тоже разная кровь течёт.

– Поверь, от этого одной крови мы не станем. Ни ты, ни я, – сухо ответил он с отсылкой к истории про Маугли, и я бы рассмеялась, но лицо Макса осталось совершенно серьёзным. Я боялась, что он воспримет мой смех за издевательство над собой. И потому постаралась сделать ему комплимент. Благо, действительно выразила своё честное мнение.

– Верно. Ты вот настоящий мастер перевоплощения, у меня так никогда не получится.

– Почему? Может и получится, – он впервые с момента нашего разговора приподнял уголки губ. – Тут только тренировка нужна. Попробуй на досуге, перевоплощаться интересно.

– Обязательно попробую.

Несмотря на обещание, конечно же, ничего я пробовать не собиралась. Но моего спутника эти слова привели в более дружеское настроение. Мне даже стало понятно, отчего Грач дружил с Максом. Если последний заводил тему, которая была ему интересна, то он мог говорить на неё с завидной увлечённостью. Такой, какая не надоедает, а, наоборот, провоцирует проверить, узнать. Так что к своему удивлению, когда мы въехали в город, я уже всерьёз вознамерилась осуществить поход в магазин косметики и начать эксперименты над внешностью.

– Тебя где посадить лучше?

– Можно у любого метро, – подумав, ответила я.

– Если бы я спешил, то можно было бы и так, но у меня до вечера уйма времени, которое надо куда-то деть. Раньше шести я к своему заданию не приступлю. Поэтому говори, куда?

Меня так и подмывало назвать адрес родителей, но вернее было сообщить координаты своей квартиры, расположенной на набережной реки Смоленки. Во всяком случае, на первой странице моего досье, как место проживания, была указана именно она.

– Чего-то ты задумалась. Едешь и сама не знаешь куда?

В голосе Макса не прозвучало ни единой нотки недоверия, но я чисто по-женски почувствовала, как он насторожился. А потому сказала, как есть.

– Не могу решить. То ли к себе на квартиру, то ли к родителям поехать.

– Если родители в будущем помогут перевезти твой рюкзак, то лучше к ним. Родители – это святое, про них не надо забывать. И не надо откладывать любую возможность встретиться с ними.

Была в его голосе такая грусть, что меня задела. Правда, не столько в отношении родителей, сколько сына. Он и так меня столько дней не видел. А потому я определилась.

– Ты прав, давай к родителям.

Сказав так, мне стало легче на душе. И не только из-за того, что мне действительно хотелось не на полупустую кварти-

ру с долгоиграющим ремонтом, а домой. Нет, бросив взгляд на заднее сидения, а именно на тяжёлую сумку, я поняла, что не придётся на своих плечах тащить этот неподъёмный груз от набережной реки Смоленки до метро и так далее. И кто-то скажет, что можно было бы вызвать такси, но тратить выданные мамой наличные не хотелось. Они бы мне ещёгодились, и так на день рождения Вадика существенно потратиться пришлось.

В общем, я назвала нужный адрес и даже обрадовалась, что так вышло. Макс кивнул головой и на следующем перекрёстке повернул на верную улочку. Видимо, город он знал как свои пять пальцев и мысленно уже составил маршрут. Во всяком случае, мои разъяснения, как ему лучше доехать, ему не понадобились и ни в какие пробки мы не попали. Ехали быстро и с ветерком. Меня так и подмывало приоткрыть окошко, чтобы высунуть руку на улицу. Солнышко светило, день был прекрасным.

– А ты сам когда-нибудь мунтов видел?

И отчего мне вспомнилось про эту мерзость?

– Да, видел. Даже вблизи.

– Правда? – я заинтересованно посмотрела на Макса.

– Мне часто приходится работать под прикрытием. Всё внешность. Она такая своеобразная, что никто не видит во мне разведчика.

– И какие они мунты? Такие же как на фотографиях?

– Да. Они намного выше людей, у них средний рост это

два метра двадцать. Сами по себе большей частью щуплые, вытянутые, но сложены пропорционально. Кожа красноватого оттенка. Разница по полу размыта, хотя она есть. Просто тут мы их культуру плохо знаем. А самое неприятное в них это тёмно-серые перламутровые глаза без белка, – Макс вдруг нахмурился и исправил себя. – Нет, вру. Самое неприятное – это их манера себя вести. Они почти не используют мимику, говорят и действуют как роботы. Только что двигаются плавно.

– И о чём ты с ними разговаривал?

– Насть, – скосил он на меня предупреждающий взгляд и с упрёком помотал головой.

– Ладно. Молчу-молчу, – печально вздохнула я, но ему показалось необходимым напомнить.

– У нас режим секретности. Я не просто так держу язык за зубами.

– Знаю. Но мне порой так интересно!

– Тогда просто включи голову, – он ненадолго прикоснулся пальцем к виску. – На высший уровень разведки я не тяну, поэтому все мои задания с мунтами связаны с их карательными пунктами. И о чём мне там с ними говорить? Ну, подумай.

– Э-э-э. Напомни, карательные пункты это?

– Тебе про них ещё ничего не показывали разве?

– Мне столько всего за эти дни показали и рассказали, что я уже ничего не помню!

– Даже не знаю, завидовать мне тебе или ужасаться, – приподнял один уголок рта Макс. Другая часть его лица так и осталась серьёзной. Та, которую обожгло. Внешне я не видела никаких шрамов (видимо, медики постарались на славу), но, не иначе, процедуры вышли ощутимо болезненными, раз он до сих пор старался сохранять неподвижность мышц.

– Лучше объясни.

– Обычно людей забирают на космические станции и там уже преобразовывают. Однако по всей планете разбросана сеть карательных пунктов. Там также занимаются трансформацией, но большей частью в «призраков», в «глаза» и тому подобных тварей для слезки и вынюхивания. Самая сильная единица, что там создаётся, это «пузатые». Знаешь, кто это?

– Нет. У меня все названия в голове перемешались.

– Они очень опасны. Могут жечь огнём хлеще напалма, даже камни плавят только так. Эффективны на расстоянии до трёхста метров, но обычно больше пятидесяти им не требуется. Обладают абсолютной устойчивостью к физическому урону. Их можно либо пытаться гранатами рвать, либо по ключевым кристаллам стрелять.

– Ключевым кристаллам?

– Да, это кристаллы управления. «Пузатые» почти не имеют своего разума. Если разрушить их связь с оператором, то пропадёт сигнал, дающий команду поддерживать стойкость к повреждениям.

– А почему их «пузатыми» прозвали? Выглядят, типа, как

мешки, что ли? Ну, чтобы огненную жидкость в себе держать, да?

– Нет. Огонь они благодаря вживлённым кристаллам генерируют и как именно – это ты к нашим умникам иди спрашивать. Но принцип очень похож на лазерное излучение. А прозвали их так потому, что все они женщины и у них сильно раздут живот. Некогда они беременных баб кому-то напомним, вот и прижилось.

– Ничего себе бабы... До трёхста метров огнём-то палить!

– Обычно расстояние куда как меньше, – напомнил Макс. – Их точно перемещают на нужную позицию. Ту, откуда удобнее по какой-либо базе нашего Сопротивления ударить. «Призраки» всё разнохивают, «пузатые» жгут. Думаю, ты поняла цель карательных пунктов? Это наша самая большая головная боль. Они не дают нашему брату набрать силу.

– Я до сих пор одного понять не могу. Почему вы действуете тайно? И почему эти мунты уничтожают вас тайно? Я думаю, нашествие таких «пузатых» новости бы осветили! Значит, всё под маскировочным полем, да?

– Верно. А тайно всё по простым причинам. Мунтам нужны человеческие ресурсы и, находясь в тени, им проще их добыть. Мы же боимся, что если раньше времени всколыхнём планету, то нас просто-напросто грубо обратят в рабов. Всё человечество я имею в виду. И поэтому нет, сначала надо добыть сведения как противостоять этим гадам, нужно стать

с ними на один технологический уровень. И для этого первое дело разведка, для которой важно что? Тишина. Так что всё, что мы можем из активных действий, так это организовывать партизанские вылазки. Ударить то здесь, то там. Дать врагу понимание, что он не лишил нас зубов.

– Ударить здесь, ударить там, – вслух задумалась я. – И много уже получилось сделать?

– Достаточно, чтобы дожила до своих лет и думала, что вокруг тебя мир во всём мире.

Глава 7

Я решила попросить Макса остановить машину на углу дома по одной серьёзной причине. Отсюда детскую площадку хорошо скрывала дворовая растительность, из окон родительской квартиры местность тоже не обозревалась. В общем, идеальное место для высадки. Самое то, если цель не только вернуться домой, но и не нарваться на близких раньше времени. Даже обоснование, почему надо высадить меня именно здесь, а не у подъезда, выглядело простым, понятным и совершенно логичным.

– Как из кармана повернёшь, сразу тормози где-нибудь, – своевременно попросила я. – Не надо вглубь ехать, там машина на машине, разъехаться проблематично. А расстояние в два подъезда уж я сама пройду.

– Ладно, – не стал спорить Макс. Он как раз повернул во двор и смог по достоинству оценить плотность парковки. Хрущёвские дома, сжатые со всех сторон бюджетными многоэтажками, казалось находились в осаде. Узенькая улочка, петляющая между ними, была переполнена транспортом.

– Сюда давай, – я указала на пространство, чудом оставшееся свободным. Не иначе совсем недавно его кто-то освободил, иначе стоять нам на аварийке. И пусть вряд ли моя высадка была бы долгой, но ехавший за нами водитель мог

бы и на сигнал нажать. А мне никогда не нравились такие ситуации.

– Угу. Сюда встать как раз получится.

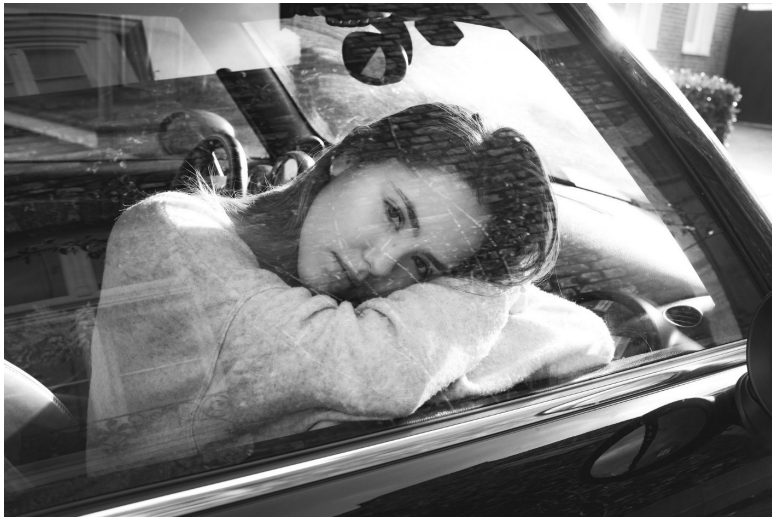
Макс в два приёма ловко разместил машину на пригодное для парковки место и уставился в боковое стекло. Красный седан, что ехал за нами, уже пытался разъехаться с чёрным джипом. Женщина за его рулём нещадно тупила.

– Вот, видишь какой ужасный двор? Правильно сделали, что именно здесь встали, – довольно заключила я.

Как говорится, на воре шапка горит. В другое время я или внимания не обратила бы на эту ситуацию, или пошутила б на тему талантливого вождения. Однако именно в этот час мне бессознательно требовалось добавить нотку убедительности к ранее сказанному.

– Да, согласен. И погоди выходить. Пусть эти двое сначала закончат, а то там зона боевых действий. Пешехода ни за что не заметят.

– Ладно.

К счастью, за пару минут автомобили разъехались и каким-то чудом даже соседние машины не задели. Так что вскоре Макс скомандовал.

– Всё. Теперь можно.

Я давно расстегнула ремень, а потому с нетерпением ступила на асфальт. Макс тоже вышел на улицу. Он мимоходом осмотрелся и начал открывать заднюю дверцу, чтобы достать мою сумку. Я подошла ближе к нему, и вдруг... вдруг услышала такой знакомый звонкий голосок!

– Мамочка. Уря, мама!

Похолодев, я обернулась и увидела, как вдоль соседнего

дома, держа Вадика за руку, идёт моя собственная мама. Во второй руке она несла продуктовую сумку, а потому я ментально поняла, что эти двое возвращаются из магазина привычной им дорогой.

Вот свезло же!

Вадик меж тем вырвался и побежал мне навстречу. Обидеть сына я не могла, а потому присела на корточки и развела руки в сторону, чтобы заключить радостного мальчишку в объятия.

– Мама, баба мне бибику купила. Красную. Поехали кататься? – он доверительно раскрыл ладошку и показал дешёвую маленькую машинку. Такие, как эта, регулярно покупались, ломались и выкидывались в мусор.

– Конечно, поедем, – уверила я малыша и, взяв его за руку, поднялась в полный рост.

Мама как раз подошла совсем близко и, судя по её широко раскрытым глазам, лошадиная внешность Макса произвела на неё то ещё впечатление. Затем она окинула оценивающим взглядом машину, рядом с которой я стояла, и смягчилась. Однако, прежде чем на её лице появилась приветливая улыбка, она всё равно перевела взгляд на Макса и непроизвольно вздрогнула всем телом.

– О, Настенька, ты вернулась, – с непривычно ласковыми интонациями произнесла мама, останавливаясь возле Вадика. – А чего не позвонила?

– Да как-то, – замялась я, но, видимо, маму ответ на этот

вопрос нисколько не интересовал. Она как можно доброжелательнее поглядела на Макса и, стараясь улыбнуться ещё шире, осведомилась:

– А вы и есть Серёжа?

Макс вопросительно поглядел на меня, и я, проявляя чудеса кретинизма, утвердительно кивнула. Дельная мысль о том, что его можно выставить таксистом, пришла ко мне парой секунд позже. А слово не воробей.

– Да.

– Здравствуйте, Серёжа.

– Здравствуйте.

– Я Мария Сергеевна. Настенька мне о вас столько хорошего рассказывала.

– Да? Это приятно.

– Как вы с ней отдохнули? Хорошо сейчас за городом должно быть? Редко, когда апрель столь солнечный и тёплый выпадает.

– Мам, там шикарно оказалось. Турбаза хорошая, чистая, озеро рядом. Мы шашлыки делали, уток покормили. Около Приозерска природа клёвая, сама знаешь, – пришла я Максиму на выручку.

Разумеется, я рассказала Грачу свою «легенду для родителей». Но меня терзали большие-пребольшие сомнения, что он такими несущественными подробностями с другом поделился. Во всяком случае, во время посиделки в баре, где был и Макс, Грач ни разу не обмолвился об этом. Да и остальная

компания обсуждала вполне определённые вещи, мне пока не особо понятные. Моей личной жизнью никто не интересовался.

– Вот и хорошо, что съездили, – заключила мама и, доказывая, что не просто так она по молодости умудрялась в день на три свидания с разными парнями сбегать, пихнула мне в руки сумку с продуктами. – Донесёшь, Насть? Что-то я не могу. Сердце в последнее время пошаливает. Возраст.

Нет. Вот уж кому-кому, а моей маме не в бухгалтера надо было идти, а в актрисы! Она, тяжело вздыхая, прижала руку к груди и, словно до этого и не замечала огромного баула в руках Макса, встревожилась.

– Серёжа, вы же поможете Настины вещи к нам занести?

– Да, конечно.

– Вот спасибо.

Макс вынужденно повесил себе на плечо тяжёлую спортивную сумку. Затем, подумав, взял из моих рук пакет, а там закрыл машину, не забыв поставить её на сигнализацию. Мама ещё раз окинула любовным взглядом автомобиль и взяла за руку Вадика. После чего мы все вместе двинулись к дому. И вот тут мудрая женщина Макса уже ни о чём уже не спрашивала. После того, как она расписала какой золотой мальчик Вадик, все её вопросы достались исключительно мне. Причём дурацкие и раздражающие вопросы. Как там на турбазе кормили? А можно ли туда с домашними животными? Много ли было детей? Борются ли там с клещами, а

то сейчас самый сезон?

Я отбреживалась как только могла потому, что видела мамину задумку насквозь. Она элементарно не желала дать мне перекинуться с Максом и словом, чтобы...

– Вот спасибо, Серёженька. А теперь не стесняйтесь, проходите.

– Простите, Мария Сергеевна, но у меня ещё дела.

– Да, мам. Ему ехать надо.

– Ой, ну какие дела? Вторая половина дня, – возмутилась моя мама.

– Я обещал другу с ремонтом машины помочь. Он меня очень ждёт.

– Тогда тем более проходите, – мама умудрилась встать в нашей маленькой прихожей так, чтобы своим телом потеснить Макса внутрь квартиры. – Ремонт дело долгое, кропотливое. На пустой желудок им никак нельзя заниматься. А я как раз домашних пельменей налепила.

– Сметану купили! Сметаны не было! – бодро вставил своё слово Вадик, которого я попутно раздевала резкими порывистыми движениями. Меня раздражала ситуация и раздражало то, что в столь тёплую погоду мама надела на ребёнка кипу вещей. Мальчик вспотел. Футболка под свитером была мокрой насквозь.

– Да-да. Я налепила, а смотрю – сметаны то и нет. Но теперь есть, так что давайте, Серёженька, проходите. Полчаса ваш друг подождёт.

Мамина настойчивость выглядела не особо вежливо, но Макс ей поддался. Возможно, не рискнул испортить некую мою легенду, возможно подумал, что до вечера у него действительно уйма свободного времени, которое надо куда-то деть. И почему бы взаправду не перекусить?

– Хорошо.

– Вот это правильно. Молодец! Настя, ты покажи гостю, где можно руки помыть. А я сейчас воду дляпельменей поставлю.

Я согласно кивнула и продолжила стягивать с Вадика ботинки. Мама тем временем, совершенно забывая про "больное сердце", подхватила пакет с продуктами и умчалась на кухню с грацией балерины. И едва она там исчезла, я виновато посмотрела на Макса.

– Прости. Она бывает такая настойчивая.

– Ей просто интересно с кем её дочь дружит, – равнодушно пожал он плечами и перешёл к более важным вещам. – Мне сейчас знать надо, ты этого Серёжу себе для легенды выдумала или он настоящий?

– Был настоящий. Мы с ним на той неделе расстались.

– Ясно. Тогда хорошо, что я здесь оказался.

Голос Макса звучал спокойно. Он ничуть не выглядел злым или смущённым, но мне до его душевного равновесия было далеко. Я смогла только проворчать.

– Да чем же это хорошо?

– Если я сейчас создам у неё благоприятное впечатление,

то тебе проще будет выполнять свою работу.

Я недовольно поджала губы и отвернулась, чтобы скрыть свои эмоции. Но Макс всё равно понял, что творится у меня на душе.

– Хочется, чтобы вместо меня здесь твой Грач стоял?

– Да, – не стала скрывать я.

– Тогда зря мечтаешь, он бы не стоял. Ему светиться нельзя. Так что всё равно кого-то другого попросил бы.

Объяснять, почему вместо Макса меня бы устроил не только Грач, но и вообще практически любой другой агент, я не стала. Во-первых, некрасиво отражением в зеркале попрекать. Парень же и правда не виноват, что таким родился. А, во-вторых, моё нежелание донести до Грача весть о существовании Вадика чем-то правильным даже мне самой не казалась. Я просто боялась этого. Боялась и всё. Даже, наверное, больше. Меня ужасало предположение, что нынче же вечером Макс встретится с другом и всенепременно расстреплет, в какой анекдот я его втравила.

Боже, даже представить страшно! Сразу сердце болезненно сжимается.

Вдруг ведь бросит, а?

– Всё. Раздела, – заключила я, глядя на Вадима, и сурово потребовала. – Теперь идём руки мыть.

На базу Макс вернулся только под утро. Он добыл нужные сведения, но на обратном пути на него сработал датчик ко-го-то из «питонов». Шустрая тварь, похожая на помесь муж-чины и многоножки, обладающей конечностями в виде чело-веческих ладоней, оказалась той ещё пронырой. Радар пока-зывал, что скорости автомобиля недостаточно, чтобы сбить её со следа. Предстояло либо избавляться от артефактов, ли-бо экстренно что-нибудь предпринимать. Макс предпочёл второе. Он остановил машину на обочине леса и, на ходу со-бирая оружие из разбросанных по карманам деталей, выгля-дящих обыденно и просто, постарался устроить засаду.

Задумка была примитивной. Он швырнул подальше от се-бя связку артефактов и затаился поодаль, наблюдая за про-странством. Затем прижался к стволу дерева и, несмотря на частый сердечный ритм, задышал спокойно и как можно ти-ше.

«Питон» появился внезапно и намного раньше, чем Макс его ожидал. Скорость у твари была невероятная, а потому перед выстрелом толком прицелиться не получилось. По сути, Макс смог лишь перевести дуло в нужном направлении и начать нажимать на курок, мысленно подсчитывая потраченные пули. Следовало оставить хотя бы одну на самый крайний случай. Для себя. И, пожалуй, мысль об этом была верной. Пули бесшумно пробили шкуру твари, но критических повреждений не нанесли. Мутант с хрипом злобно встал на дыбы и, широко раскрыв рот, выплюнул сгусток кислоты. Едкая слизь попала на рукав и, несмотря на защитные пластины, добралась до кожи. Руку зажгло. Однако Макс, мыс-

ленно чертыхаясь, снова выглянул из-за дерева и снова пару раз выстрелил наугад.

– Мать моя женщина! – воскликнул он шёпотом.

Удивление Макса слова вызвал факт, что фортуна не отвернулась. Удача протянула свою скупую на щедрость длань – одна из пуль разорвала глаз «питона» и проникла в мозг. При этом расстояние между ним и тварью не составляло даже двух шагов. Нажми пальцы на курок хотя бы мгновением позже, он уже был бы мёртв.

– Вот змеюка!

Макс, испытывая необходимость хоть как-то снять нервное напряжение, выругался и пнул труп ногой.

Мёртвый «питон» не казался таким страшным как живой. Неподвижный он больше походил на двух-трёх людей, решивших надеть на себя один маскарадный костюм. Разве такие складки кожи могли существовать? Разве такие лапы-ладони могли передвигаться? Нет, это чья-то фантазия пошалашила. Кто-то попугать задумал и всё.

Макс даже усмехнулся собственным мыслям. Иногда он не мог удержаться от того, чтобы не начать воображать себя неким обывателем, волей случая столкнувшимся с марионетками мунтов. Его тянуло представить, а что мог бы подумать тот или иной человек, увидь он такое? И, возможно, подобное происходило из-за того, что некогда именно так начался его путь в Соппротивление. Однако то были события прошлых дней. И даже не дней, а лет. Прошли годы, прежде

чем Макс перестал быть новичком и получил звание майора. А потому с высоты обрётённого опыта и знаний, конечно же, следовало рассуждать иначе. Вот это вытянутое тело «питона», спаянное из нескольких людей, отнюдь не бутафория. Кто-то из мунтов намеренно преобразовал самых обычных парней в такого вот монстра...

Что поделатъ? Такая вот раса мунты, раз у них принято использовать свои знания столь мерзким образом. Им какие-то космические экспансии, завоевания подавай, вот и паразитируют на человечестве. А разве кто-то из людей давал согласие, чтобы из него живое оружие создали? Нет. Никто по доброй воле на такое не решился бы! Но мунтам-то что с того? Остаётся радоваться, что кто-то там среди их командования постановил не силой Землю в ферму превращать, а потребовал привести человечество к покорности мирно. Так, чтобы никто из живущих не осознал, сколь много свободы оказалось утрачено с начала его жизни и под конец её...

Неприятные эмоции переполняли, но умом Макс понимал преимущества сложных антигуманных мутаций. Собственно, люди, занимаясь роботизацией, тоже шли по схожему пути. К чему растрачивать ресурсы (как интеллектуальные, так и материальные) на создание сверх крутой пушки, а затем тренировать и пичкать допингами солдата? Почему не соединить две детали воедино? Почему не создать эдакую универсальную единицу, чей мозг заточен на слепое подчи-

нение приказам, а тело всегда готово к бою? Ведь можно держать целый арсенал, но что будет, если не найдётся человека, который знает как использовать автомат или гранатомёт? Или что будет, если у команды спецназа из вооружения в распоряжении окажутся только палки и камни? Да ничего толкового не будет. А потому оружие мунтов было действенным, могло самостоятельно перемещаться и не утрачивало своей опасности до самой смерти.

Вот так.

И всё что надо, чтобы получить его, так это исковеркать тела примитивной расы, едва дошедшей до попыток освоения космоса. Тот же «питон». Как же над ним поиздевались! Разведка и попытки учёных разобраться в мутациях позволили выяснить, что создание этого типа мутантов требовало прохождения нескольких мучительных стадий. Не один день соединялись кости, мышцы и нервная система. Какие-то органы по итогу и вовсе убирались за ненадобностью. Другие были кардинально изменены.

Макс встряхнул головой. Чего он тратит время? Перевозить на базу «питона» смысла нет. Эти твари достаточно хорошо изучены. Уже известно как желудок и слюнные железы позволяют им плевать ядом. А потому он глянул на радар – вдруг каратели успели среагировать быстрее положенного?

Посторонних точек пока не было. Так что, не теряя время даром, Макс на бегу схватил контейнер с артефактами и побежал к машине. Минут пять он гнал, выжимая из авто-

мобилия всё, что только возможно. А затем, убеждаясь, что погони нет, снизил скорость и, стараясь соблюдать правила дорожного движения, поехал на базу. Для успокоения взбудораженных нервов он при этом фальшиво напевал «Выйду ночью в поле с конём». И, честно сказать, остановил машину Макс в месте весьма подходящим строкам этой песни. Вокруг него было огромное вспаханное поле, огороженное простецким сеточным забором, местами покосившимся. Пара ангаров, высившихся над пока ещё пустой пашней, говорили о ведущимся здесь фермерском хозяйстве. Мычание коровы и кукареканье подтверждали это.

– Крона два, это фаза ноль девять. Прошу разрешения на въезд, – нажимая пальцами с двух сторон на наручные часы, сказал Макс.

– Фаза ноль девять, ваш запрос услышан. Производится проверка, – на несколько секунд вокруг стало тихо, лишь завели свою трель первые пташки. – Въезд разрешаю.

Кусок поля, рядом с тем местом, где остановился Макс, немного приподнялся и отъехал в сторону, открывая проезд к ангару. Бетонные стены длинного тоннеля, освещённого яркими лампами, казались мужчине домом. Ему вмиг сделалось легко и хорошо.

... И почему-то всё, о чём он мог думать, были домашние пельмени Марии Сергеевны.

Глава 8

– Мне он понравился, – задумчиво сказала мама, глядя за окно. Макс как раз вышел из подъезда и зашагал к машине.

– Вот и хорошо. Теперь не так переживать за меня будешь.

– Я просто удивлена, – продолжила как ни в чём ни бывало женщина. – Ты никогда не подходила к выбору мужчин так разумно. Действительно хороший молодой человек. Вежливый. И руками работать не чурается.

– Тогда чего тебе удивительного в том, что я с ним встречаться решила?

– Но ты же обычно не на качества человека, а на лицо смотришь. Красавцев тебе подавай.

– И что с того?

– А с того, Настенька, что если у тебя к нему настоящей симпатии нет, то недолго ваша связь продержится. Ты в какой-то момент рычать начнёшь, злиться. Так что, если в душе он тебе противен, то не надо. Хорошего ничего не выйдет.

Она испытывающе, даже с укоризной поглядела на меня, и я постаралась как можно естественнее солгать:

– Знаешь, мам, не с лица воду пить. Ты сама мне это говорила. И не раз. Наверное, я тебя, наконец-то, услышала. Саша мне действительно понравился.

– Тогда и хорошо, – довольно выдохнула она. – Дай Бог.

Дай Бог, сложится.

Я очень хотела, чтобы такие же слова мама однажды сказала по отношению к Грачу, а не Максу, но искренне сомневалась в подобном. А потому не стала ничего говорить больше. Собрала тарелки со стола и начала мыть посуду. Довольный моим возвращением Вадик сидел рядом на полу и высматривал спрятавшуюся под диван кошку Муську. Проводя губкой по тарелкам, я порой поглядывала на сына. Всё ли в порядке? Но на самом деле мысли мои крутились вокруг одного и того же. Что надо разобрать рюкзак, надо договориться с медсестрой об уколах, надо написать хотя бы ещё одну главу диплома и... надо обязательно отвлечься от навязчивых предположений, что Макс вот-вот разболтает Грачу мою тайну!

– Говорят, ты припозднился?

– Да, «питона» встретил.

Макс сказал свои слова небрежно не потому, что хотел заняться показухой. Он и правда оставил неприятное событие в прошлом, а потому сказал так и продолжил поднимать груз. Тренировка сегодня была для него в радость. Ему никогда не нравились большие скопления народа, а ныне в зале оказалось почти безлюдно. Всё из-за времени. Оставался всего один час до обеда. Это он только проснулся и решил

размять тело. У других самый пик дел. Во всяком случае, у большинства рядовых и, не показывающего сюда носа, научного персонала и мысли не возникает посещать в зал в это время.

– Сумел удрать?

– Нет, прикончил его.

– Ловок ты, брат, – присвистнул подполковник Левицкий и стянул резинкой на макушке чёрные волосы. Длины едва хватило, чтобы повернуть такую манипуляцию, зато чёлка перестала падать ему на лицо.

– Тьфу! Ну, ты и космы себе отрастил.

– Не обрежу.

– Позор один.

– Не обрежу. Я сказал, что пока за Мартина не отомщу, стричься не буду – значит, не буду.

– Даром, Денис, ты себя Грачом обозвать решил. Упрямый, как ишак! – без стеснений высказал своё мнение Макс и попытался достучаться до собеседника. – Пойми, мы до того карательного пункта, где его трансформировали, будем ещё год добираться. Не меньше. Обрастёшь, как баба!

– Значит, Настя по утрам будет мне косу заплетать. Я дал обет и его сдержу, – противно упёрся Левицкий. – Пошли лучше спарринговать? Мне через полчаса на планёрку надо. Хочу перед этим набить тебе морду.

Макс усмехнулся, и оба мужчины, надев защиту, вышли на мат. Они поклонились друг другу в лучших традициях во-

сточных единоборств, а затем начали бой, попутно продолжая беседу.

– Думаешь, именно Настя тебе косу заплетать будет? Ты ж дольше пары месяцев ни с одной девкой не мутишь, – прежде чем сделать замах, сказал Макс.

Денис легко блокировал его удар.

– Ты моя совесть ходячая, что ли? Чего всё докапываешься?

– Да бесишь ты меня порою. Я про моменты, когда ты тем, что между ног, думаешь. На черта девчонку на катер поволок?

На этот раз серию ударов пришлось блокировать самому Макс. Денис даже сумел перекинуть его через плечо, но Макс ловко, как кошка, приземлился на ноги и сразу нанёс сильный удар по икре. Подполковник едва устоял на ногах. И то только потому, что согнулся и опёрся на кулак левой руки.

– Вот чёрт!

– Так ты чаще из постели в тренажёрку выбирайся. А то на выверты только там горазд.

– Раззадорить меня решил?! – кажется, всерьёз обозлился Денис. – Или тебе Настю самому пощупать хочется, вот и мелешь, чего не лень?

– Я говорю о том, что ты в своём увлечении юбками форму теряешь. И всех нас порой подставляешь, – приступая к новой атаке, ответил Макс.

– Да я сейчас твою наглуую рожу в кровь разобью!

Выглядел спарринг уже как настоящая ссора, а потому собрал зрителей. Но, по правде, не только громкие яростные слова привлекли их внимание. Сражались мужчины достойно. Оба были мастерами. А потому на такой бой стоило и глянуть.

– А давай так, Денис? Если я тебя сделаю, то ты с Насти слезешь. А нет, так действительно заткнусь про тебя и неё.

– Замётано!

Они наносили друг другу удар за ударом, но теперь, по прошествии времени, стало заметно, что Макс двигается продуманнее своего противника. Однако в какой-то момент фортуна отвернулась и от такого профессионала, как он. Денис повалил друга на мат и, прижимая коленом горло, зло спросил:

– Сдаёшься?

Макс промолчал, и нажим на его шею усилился.

– Сдаёшься?!

– Да, – всё-таки хрипло ответил мужчина и, ощутив свободу, откашлялся. – Нехило ты меня.

– Нехило, – согласился Денис и дружелюбно усмехнулся. – Что? Получил, брат, по первое число?

– Кажется, мне повезло, что ночью я встретил не тебя, а «питона».

Слова и улыбка сделали своё дело. Подполковник Левицкий протянул поверженному противнику ладонь, помогая

подняться. Макс принял помощь и дружески пожал руку друга. Зрители начали расходиться.

– Посмотрим, как ты своё слово сдержишь. Рот закрыть тебе надолго придётся, – довольным голосом заметил подполковник и, начиная стягивать с себя защиту, спросил. – Кстати, Настю без приключений до дома довёз?

– Да.

– В хорошем месте она живёт. Мне нравится набережная Смоленки. Вода рядом и тихо.

Макс задумчиво наклонил голову набок. Он прекрасно помнил, что именно по этому адресу Денис и говорил доставить девушку. И он бы туда её и повёз, но какое-то шестое чувство заставило его спросить, где ей лучше выйти. А дальше сомнения Насти о том, куда ехать, решили дело. Маршрут изменился. И пока варились пельмени, Макс успел изучить обстановку двухкомнатной квартиры. Мария Сергеевна, желая узнать о госте побольше, отправила дочку в подъезд проверять пришла ли квитанция на квартплату, а сама гостеприимно показала ему своё жильё, состоящее из родительской спальни и комнаты дочери. В последней стояла не только детская кроватка, но было ещё и очень много девичьих вещей. Комната дышала жизнью, и было видно, что она обжита.

Девушка не жила на острове Декабристов. И Денис почему-то этого не знал.

– Мне тоже та местность нравится. Но скоро Западный

скоростной диаметр достроят, и она во многом переменится... А давно Настя там обосновалась?

– Честно говоря, не помню, – потягиваясь, ответил Денис и направился к душевым.

Макс тут же пристроился рядом. Друг скосил на него удивлённый взгляд да спросил:

– Чего? Ты же хотел подольше потренироваться. Или решил, что хватит с тебя позора?

– На сегодня мне нашего спарринга хватило. Да и тебе тоже. Хватанул ты по голове конкретно, раз о своём сотруднике таких элементарных вещей никак не вспомнишь.

– Да, я просто решил хоть раз не забивать память мусором и по её досье лишь одним взглядом скользнул. Она же как открытая книга. По ней всё видно. Так что только психологический портрет прочитал. Должен же я знать, с кем сплю!

– С этим не поспоришь, – усмехаясь себе под нос, развёл руками Макс. – Только тяжело тебе с ней будет. Настя из тех девочек, кому замуж надо и детей растить.

– Полностью с тобой согласен. Надеюсь, у меня получится пару месяцев на тихой курьерской службе её подержать, а там и перевести в запасной состав, как абсолютно не пригодную к нашему делу личность.

– Денис, ты никак спятил? – опешил от признания мужчина. – Если отпустить её так, порядком не припугнув, то она много чего растрепать может. И, как минимум, не только тебя, но и меня рассекретит. Ты хоть мозги включай иногда.

– Её всерьёз пугает перспектива покинуть тёпленькое местечко под заботливым маминым крылышком. Вероятность оказаться взаперти на базе вызывает у неё панику. Так что она будет молчать, как партизан. Благоразумия и мотивации держать язык за зубами Насте хватит... Ну, и чего так смотришь? Жалко тебе что ли? Пусть девчонка живёт, ириски жуёт да молодёжь премудростям иностранных языков учит.

– Угу. И первенца своего пусть обязательно Грачом назовёт. В память о тебе-благодетеле.

– Да уж, выбрал я себе имечко! – рассмеялся Денис. – Знаешь, как смешно, когда она в постели это произнести пытается?

Макс только укоризненно покачал головой. Его дружба с подполковником Левицким насчитывала более десяти лет, и потому он уже сделал вывод, что тот ничего не знает о девушке, с которой спит. Оставалось только понять, это халатность Дениса или же в данные действительно закралась ошибка? И если последнее, то обязательно нужно выяснить: случайная или нет?

Помимо этого, Макс осознал, что правильнее прямо сейчас разъяснить благородному горе-любовнику, в какую историю его самоуверенность их всех втравить может. Однако он не стал ничего говорить. Быть может, этому поспособствовало его недавнее обещание. А, быть может, Вероника. Девушка шла из душевой и по дороге, словно ненароком, ощутимо толкнула Дениса плечом.

– Вот успокоиться то всё не может, – зло оглядываясь бывшей пассии вослед, пробубнил подполковник. – Надо же такой злобной и мстительной уродиться!

– Полгода назад ты был ею восхищён.

– Полгода назад она не была такой мегерой!

После принятия душа Макс первым делом отправился в отдел информации. Его звание и доступ позволяли копаться во многих закрытых сведениях, и посетителем он здесь был привычным. Его даже с порога радостно поприветствовали. Макс сразу ощутил себя уютно, как дома. И захотел домашних пельменей.

Тьфу ты! Так вкусно было, что хоть езжай Настину маму навещать, пока всё не съедено!

– Помочь в чём? – вежливо поинтересовалась сотрудница отдела, вручая карточку пропуска.

– Нет. Сам.

Пройдя к одному из экранов, Макс закрыл пространство вокруг себя, меняя прозрачный цвет пластика ширмы на тёмно-синий. Затем устроился удобнее в кресло и приступил к поиску.

Так, что же там на эту Настю есть?

Информация поступила быстро, но объёмных данных она в себе не содержала. Составитель лениво скинул самые значимые факты в кучу, не особо заботясь об их упорядочивании.

«Надо намекнуть, чтоб переделали. Всё-таки она уже не человек с улицы», – решил Макс и продолжил быстрое чтение.

Много времени оно у него не заняло. Текст был небольшим, а целую четверть его ещё и события последней недели составляли. Их разведчик и так знал, а потому только

успокоился, удостовераясь, что никто файл для дезинформации подполковника Левицкого намеренно не корректировал. Кроме того, скрытность самой Анастасии Павловны очевиднее некуда диктовалась её романтическими мотивами, а не чем иным похлеще.

Помимо этого, мужчина отметил для себя, какие варианты переподготовки предлагались для Насти. Среди них оказался весьма приличный курс на вербовщика. Он мог прекрасно совмещаться с педагогическим выбором девушки. Ей не пришлось бы кардинально менять свою жизнь. Учила бы она ребят в старшей школе, колледже или университете, выделяла среди них наиболее талантливые будущие кадры да мягко наводила их на знакомство с деятельностью Соппротивления. Всем было бы хорошо.

И Макс в том числе.

Мужчина не считал нужным этого показывать, но он был расположен к Насте и поддерживал мысль Дениса, что ей не место на передовой. Однако с планом друга определённо не был согласен. Это глупость, а не план. Полный беспредел! Такое решение могло плачевно кончиться для всего дела и лично как для подполковника, так и для него самого. Не шуганная девчонка запросто может начать трепать языком направо и налево!

Вдыхая и выдыхая воздух, Макс постарался успокоиться. Лучший друг сумел довести его до белого каления. Совсем после гибели своего сводного брата Мартина спятил! Одна

последняя неделя чего стоит! Сначала понравившуюся девицу на катер поволок, потом не устранил (ну, и что, что жалко?!), затем вместо её полноценного вливания в дело решил на волю выпустить. Нашёл себе безобидную канарейку!

Так, спокойствие. Надо рассудить логически.

Настя отказалась от подходящих ей курсов. Почему? Девушка влюблена в Дениса и можно быть уверенным, что пока ещё она хочет оставаться как можно ближе к нему. Зачем ей понадобился отказ?

...Хм. А если она тут ни причём? Что если это Денис, нагло забив на протокол, подумал, что лучше остальных знает, как ему поступить с Настей? Вдруг, глупышка в этом решении вообще участия и не принимала?

– Вот бы по морде тебе съездить, брат, – придя к выводу, злобно прошептал Макс.

Нет, не будь он в курсе какие безумные благородные порывы порой переполняют подполковника Левицкого, то не поверил бы в своё предположение. Всё-таки не зря друг был выше его по званию. Отличный боевик, хорошо умеющий планировать боевые операции, решительно верный общему делу умный товарищ. Такой не сделает глупость на ровном месте. Вроде бы. Увы, но Макс знал. Знал, что во многом виновата ещё и бесшабашная храбрость, которой в Денисе было слишком много. Кто другой вряд ли бы рискнул идти в отдел кадров девочек задабривать, чтоб в личном деле некой Насти нужные галочки поставили. И кто другой,

прежде чем про увольнение в запас говорить, устроил бы Насте такое приключение, чтобы она тише воды, ниже травы всю жизнь провела. Но, увы, только не Левицкий Денис Игнатьевич.

Да, чёрт подери! Даже если его совесть гложет, что он девочку в такое болото ненароком затащил, то это не повод так подставляться! Ох, брат. И ведь это ты ещё ничего о двухлетнем мальчишке не знаешь. Уж Макс был уверен, ему, другу, Денис прежде всего сказал бы, что не хочет оставить пацана сиротой. Значит, просто не обратил внимания на наличие ребёнка.

Но почему? Эта надпись даже жирным шрифтом выделена!

Ещё раз просмотрев текст и задумчиво почесав подбородок, Макс вывел файл на печать да печально вздохнул. Тяжело быть умным!

– Вот дурачина-простофиля. Не дошёл до второй страницы дурачина-простофиля, а эта и рада никак?

Он укоризненно покачал головой, взлохматил себе волосы и, покрутив документ в руках, решил, что на этот раз поведёт себя не очень-то по-дружески, а, может даже, и вообще не по-мужски.

Другими словами, Макс утвердился в мысли, что ничего выговаривать подполковнику Левицкому не станет, раз уж довелось пообещать рот на замке держать. Но вот уж точно не съедет на бездействие! Похоже, настал день, когда при-

крывать спину Денису придётся ценой дружбы с ним.

Преисполняясь решительности, мужчина распечатал ещё два файла, а затем вышел из отдела информации, чтобы уверенным шагом направиться к своему командованию.

Глава 9

– А, майор Минасян! Как раз намеревался вас вызывать, – благодушно улыбнулся Максу мужчина в форме. На его погонах выделялись две крупные звезды, говорящие о чине генерал-лейтенанта. – Присаживайтесь, присаживайтесь. Вам вчера направили данные о новом задании. Вы их хорошо изучили?

– Да.

– Тогда отчего я получил отказ? Это работа по вашему профилю и приступить к делу нужно не позже воскресенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.